

СИЛАС и ВОРОНОЙ

Глава первая Странный парнишка в ничейной лодке

Перевод с датского.

Он плыл по реке в маленькой, странно тупоносой лодке, не на веслах, как обычно, а отдавшись на волю течения. Он лежал на дне лодки, и издали казалось, будто в ней никого нет.

На чердаке длинной конюшни, стоявшей на берегу реки, барышник Бартолин ворошил сено и сталкивал его вниз через отверстие в полу. Пыль на чердаке стояла столбом, и он то и дело совал голову в оконце, чтобы продышаться. Денек обещал быть отменным, солнце, слегка затянутое утренней дымкой, уже припекало, внизу плавно катилась река, делая широкую петлю, которая отсюда далеко просматривалась в обе стороны.

Вдруг барышник замер, напряженно щурясь от яркого света. Что это там плывет? Как будто лодка? И в ней вроде бы никого нет. Неужто она ничейная?

Бартолин задумчиво подергал себя за кустистую бороденку — надо бы получше разглядеть эту штуку — может, и впрямь лодка? — ведь его старая баржа уже никуда не годится.

Он снова стал всматриваться в эту странную лодку — видно, плывет издалека, но тем легче скрыть, что он ее присвоил.

Только непонятно, как это ей удалось проплыть мимо деревни, видно только потому, что час еще ранний. Плыви она чуть позднее, деревенские мальчишки наверняка бы ее поймали. Уж это точно.

Лодка медленно приближалась и по-прежнему казалась пустой: она шла то боком, то вертелась из стороны в сторону. Бартолин уже не сомневался, что лодка достанется ему.

Довольный, Бартолин почесал грудь под рубахой шершавым пальцем — еще бы, полезная вещь плыла ему прямо в руки. Он уже сделал было шаг, чтобы спуститься с чердака, но вдруг резко остановился. Что это? Никак, ему показалось? Нет, точно, над бортом лодки торчали две ноги.

А когда он заметил на другом конце лодки что-то похожее на волосы, глаза его чуть не вылезли из орбит. «Похоже, там мертвец лежит», — подумал он, и от страха мурашки побежали у него по спине. Конечно, мертвец... кто бы стал так обращаться с веслами, ведь они прыгали по воде, как тоненькие мушиные лапки... Ни один человек не мог так обращаться с лодкой.

Бартолин вздохнул.

Стало быть, оттого она и проплыла так долго и никто ее не украл. На самом деле лодка вовсе не была ничейной.

Вдруг с воды донеслись какие-то непонятные протяжные звуки.

Что это могло быть?

Таких странных звуков он никогда не слышал. Однако на звериный вой они тоже не походили.

И это среди белого дня, при ярком свете солнца... Волосы на жирном загривке Бартолина встали дыбом, он невольно повернул вилы острием в сторону лодки и попятился в темноту пыльного чердака, чтобы с лодки его нельзя было заметить.

Когда лодка подошла ближе, ему показалось, что это вроде бы звучит флейта. Нельзя сказать, что эта музыка ему нравилась, он никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так играл. Теперь он уже мог ясно различить ноги, торчавшие над бортом лодки, даже пальцы и щиколотки, которые на этом ослепительном солнечном свете казались удивительно тощими.

Оставалось лишь ждать, когда эта лодка проплывет мимо, до тех пор он не в силах был повернуться к реке спиной, уж не говоря о том, чтобы приняться за работу. Теперь ему хотелось лишь одного — чтобы эта штука поскорее проплыла мимо его конюшни.

Но этого он не дождался.

Когда лодка была совсем близко от Бартолина, мертвец прекратил дудеть и свистеть, привстал, сел, как и все нормальные люди, на весла и принялся грести к берегу. Прямо к его конюшне. Бартолин угрожающе направил в его сторону вилы. Но тут же успокоился. Это был всего лишь обыкновенный мальчишка. «Ясное дело, один из деревенских парней, — подумал он. — Покою от них нет, надобно их проучить. Уж этого я непременно проучу».

Бартолина раздражало, что паренек в лодке плыл к берегу как-то по-особому небрежно. Он ни разу не обернулся поглядеть, где лучше причалить.

Барышник стоял на чердаке до тех пор, пока лодка не закрипела днищем по прибрежной гальке, потом он быстро спустился к лошадям. Деревенские мальчишки взяли манеру то и дело потешаться над ним, от них можно было ждать чего угодно. Поэтому он встал у одного из полукруглых окон, чтобы не дать парнишке возможности подкрасться к нему сзади.

Но он ошибся, думая, что мальчишка захочет незаметно пробраться в дом. Паренек вовсе не пытался прятаться и, видно было по всему, не торопился. Неспешным шагом он поднимался по берегу, совсем не таясь и с любопытством оглядываясь.

Бартолин недружелюбно следил за ним, а паренек тяжело опустился на камень и стал смотреть на жеребят, которые паслись в длинной узкой низине между рекой и холмами. В конюшню ему было не попасть. Причаленная к берегу лодка теперь барышнику была не видна.

Бартолин ждал.

Видно, этот мальчишка что-то задумал и нарочно медлил. Уж в его-то возрасте пацаны не ведут себя, как старики. Что же он станет делать? Бартолин стоял настороже.

Но ничего не происходило.

Паренек сидел на камне и глядел на жеребят. Терпение у барышника лопалось. Зачем это он там сидит?

Для чего он делает вид, будто смотрит на лошадей? Разозленный, барышник наконец не стерпел и в сердцах с шумом распахнул дверь конюшни. Однако против ожидания мальчишка не сорвался с места, хотя обычно ребятня всегда пускалась наутек, стоило ему показаться. Они знали: если он догонит их, трепки не миновать.

А этот — каков нахал! — даже не шевельнулся, лишь слегка повернул голову, бросил взгляд на человека, стоявшего в дверях, и продолжал сидеть на камне, будто он слеп и глух.

Это было уж слишком. Разъяренный Бартолин зашагал по лужайке, сверля взглядом спину мальчишки, но тот продолжал спокойно сидеть на камне. Вовсе невелик был этот мальчишка, тощенький, волосы длинные, как у девчонки.

Остричь бы тебя, как овцу. Сейчас я тебя подвину...

Бартолин прибавил шагу и схватил нахала за воротник.

— Ты что это здесь делаешь?

Мальчик не оказал сопротивления, не пытался вырваться, он только как-то неловко крутил головой и смотрел куда-то в сторону.

— Ничего, — спокойно ответил он.

— Не ври, — прогрохотал Бартолин. — Думаешь, я не знаю все?

— Я есть хочу, — сказал мальчик.

— А мне какое дело!

Но что-то в этом парнишке заставило Бартолина заколебаться. Давно он не встречал мальчугана, который бы его не боялся, да еще такой заморыш!

— Голодный? — спросил барышник и швырнул мальчика так, что тот снова шлепнулся на камень.

— Да!

Он был не из ближайших краев. В его лице и манере говорить было что-то чужое, и эти длинные волосы... Таких волос Бартолин никогда не видел, они падали на уши мальчику толстой темной шапкой.

— Я ничего не ел с позавчерашнего дня.

Казалось, голос мальчика звучал откуда-то издалека, и глаза его глядели вдаль.

— А я-то тут причем? Никак ты решил, что у меня что-нибудь получишь?

— Да, — без улыбки ответил мальчик.

«Ну и нахал», — подумал Бартолин и нервно почесал голову. И все же он смягчился; в самом деле, похоже было, что мальчишка долго ничего не ел.

— Можно подумать, я обязан кормить чужих сопляков, как только они попросят, — проворчал барышник.

— Одной водой сыт не будешь, — сказал мальчик.

Внутри у барышника что-то сжалось, и он уступил.

— Ладно, идем, — мрачно скомандовал он.

«Не могу же я допустить, чтобы мальчишка умер возле моего дома, — оправдывался он мысленно, — тогда хлопот не оберешься».

Мальчик встал, слегка пошатываясь. Бартолин покосился на него и поспешил к конюшне; там, в самом конце, у него была жилая комнатка. Неуверенной походкой мальчик шел за ним следом — мимо длинного ряда стоявших в стойлах лошадей. В дверях комнатки он остановился и огляделся: стены выбелены мелом, никакой мебели, и все же чувствуется, что здесь живет человек. На полу толстый слой соломы от стены до стены, на соломе повсюду разбросаны сапоги, деревянные башмаки и прочие вещи, а на стене висит упряжь и большой пиджак. Мальчик медленно обвел глазами комнату, вдыхая едкий запах кожи, застарелого табачного дыма и влажной шерсти, пропитавший стены.

— Да входи же ты, — приказал нетерпеливо Бартолин. — Может, тебе все здесь покажется непривычным, да уж не взыщи.

Глаза мальчика неотрывно смотрели на деревянный ящик, прислоненный к стене. На нем лежали в беспорядке хлеб и колбаса, и похоже было, эту еду здесь никогда не убирали.

— Хорошо тебе живется, — сказал он серьезно.

Бартолин резко обернулся и сердито уставился на него.

— Ты это о чем?

— Мне здесь нравится, — ответил мальчик.

— А тебя не удивляет, что мебели у меня нет? — упорно допытывался

Бартолин. — Другие считают, что я живу, как собака.

— То другие, а то я, — устало сказал мальчик и сел на солому.

— Так что ты мне говорил? — спросил Бартолин, опустившись на колени возле ящика.

— Есть охота.

Фыркнув носом, Бартолин вытащил из деревянного косяка нож и принялся пилить им сухой хлеб, покуда не отрезал большой ломоть. Он насадил его на кончик ножа и обернулся.

— Скажи наперед, кто ты таков, — потребовал он.

— Я сам по себе, — сказал мальчик.

— А имя-то у тебя есть?

— Силас.

Бартолин протянул мальчику хлеб на конце ножа, и тот взял его бережно, двумя руками, как какую-то драгоценность. Человек у стены отрезал кусок колбасы.

— А дальше? — спросил он.

— А дальше ничего, — ответил мальчик.

Бартолин с довольным видом понюхал колбасу. Мальчик молча покосился на нее.

— Ну?

Мальчик помотал головой:

— С меня хватит и имени, фамилии мне не надо.

— Вот как, — ответил Бартолин и в один миг запихал кусок колбасы в рот, всем своим видом показывая, как это вкусно.

Силас потерял надежду, что ему дадут что-нибудь кроме хлеба, и принялся жадно уписывать его.

— Ну а как тогда звать твоего отца? — спросил Бартолин и отрезал еще кусок колбасы. Его разбирало любопытство.

— Не знаю.

— Не знаешь, как зовут родного отца? — Бартолин повернулся с полуоткрытым ртом и удивленно смотрел на него.

— Нет.

— Враки, — проворчал барышник, дожевывая колбасу. — Ты просто не хочешь сказать.

— Нет у меня отца, — сказал Силас.

— Но ведь раньше-то был. У каждого человека есть отец или был. —

Бартолин отрезал еще кусок. Силасу по-прежнему колбасы не досталось.

— А я не каждый, — отвечал Силас, — у меня отца никогда не было.

— Вот как!

Барышник посмотрел на него искоса и вдруг протянул ему кусок колбасы, который держал в руках, и еще большой ломоть хлеба.

— Может, и матери у тебя тоже нет?

— Анина, — сказал Силас.

— Что? — спросил Бартолин.

— Ее зовут Анина, если тебе интересно, — терпеливо пояснил мальчик.

— Ты не очень-то охотно рассказываешь о себе, — обидчиво сказал Бартолин. — А откуда ты приехал?

— Оттуда, — махнул рукой Силас.

— Да это я видел, я хочу знать, как называется место, где ты живешь.

— Я нигде не живу, — серьезно ответил Силас.

— Да мне ясно, что ты убежал из дома.

— Семь дней тому назад, — не спорил Силас.

— Но ведь твоя мать там живет?

— Нет, — ответил Силас.

— Может, она тоже убежала из дома? — с кислой миной предположил Бартолин.

— Она уехала.

— Ах ты враль паршивый, — разозлился Бартолин, — думаешь, я не понимаю, что ты хочешь меня надуть и выдумываешь всякую чушь, чтобы я не отослал тебя назад?

— Вовсе нет, я знаю точно, что они уехали.

— Куда уехали?

— В другое место, — устало сказал Силас.

— Они? — спросил Бартолин. — Ведь ты говорил, что у тебя нет отца.

— Да у нее есть другой, ясное дело.

— Кто это другой? Почему ты не хочешь мне ничего рассказать?

— Филлип, — сердито сказал Силас.

Бартолин наострил уши: «Видать, не любит мальчишка этого Филлипа».

— Что за Филлип? — с интересом спросил он.

— Он глотает шпаги.

— Видать, ты его терпеть не можешь, — осторожно сказал человек, сидевший на соломе, и похоже, попал в самую точку. Мальчик в ответ скрипнул зубами.

— Он меня тоже терпеть не может, — резко ответил он.

— С чего бы это? — вкрадчиво спросил Бартолин, не понимая, в чем тут дело.

— Потому, что я не хочу открывать рот. Он пытался меня заставить...

— Глотать шпаги?

Силас кивнул.

Бартолин выжидающе посмотрел на него.

— За это он лупил меня ими, — спокойно сказал Силас.

— Шпагами? — удивился Бартолин. — Шпагами наказывать нельзя, может, ты хочешь сказать — ремнем от шпаги или вожжами, например?

Силас мрачно усмехнулся и уставился куда-то вдаль.

— И что ты делал тогда? — спросил Бартолин.

— Я нарочно играл, когда ему нужно было выступать. А он до того злился, что с трудом мог ее вытащить.

— Что вытащить?

— Да шпагу, — мечтательно ответил Силас.

— Из желудка? — с ужасом спросил Бартолин.

— Она застревала в горле, и люди не хлопали в ладоши, а насмеялись над ним.

Барышник озадаченно почесал голову рукоятью ножа. «Чудной какой-то этот парнишка», — подумал он.

— И ты под конец удрал от них? — спросил Бартолин, помолчав.

— Уплыл, — поправил его Силас.

Бартолин рассмеялся.

— Это было отличное плаванье, черт побери! Почему ты не сидел на веслах?

— А зачем?

— Ясное дело, чтобы приплыть куда надо.

— Так ведь меня несло течение.

— Люди всегда гребут веслами, когда плывут куда-то.

— Да, люди всегда выдумывают какую-то ерунду, все-то им надо. Мебель, например.

«Чертов мальчишка», — подумал Бартолин и откашлялся.

— А где ты лодку взял? — спросил он.

— Ах, лодку, да она была там, на берегу.

— Вот оно что!

На короткое время наступило молчание, мальчик перестал жевать и начал клевать носом, ему ужасно хотелось спать. Вдруг Бартолин, как бы что-то вспомнив, резко повернулся к нему:

— Это ты там завывал?

— Завывал? — спросил Силас, с трудом открывая глаза.

— Да, вроде бы похоже было, что на флейте кто-то играл, — пояснил Бартолин, мешая мальчику заснуть.

Силас безразлично кивнул.

— Так это ты на флейте играл? — продолжал выспрашивать барышник.

— Да, — сказал Силас.

— Но звуки были какие-то странные, непохожие на настоящую музыку.

— Моя флейта тоже мешала Филлипу вытащить саблю из горла. Он хотел, чтобы я играл мотивы, которые все знают.

— А зачем ты играл в лодке?

— Когда играешь, не думаешь про еду, — пробормотал Силас, и глаза его медленно закрылись. Он просто-напросто заснул сидя.

Едва барышник коснулся мальчика растопыренными пальцами, как тот повалился на солому. Под рубахой у него Бартолин почувствовал что-то длинное и твердое. Это, видно, была флейта.

В конюшне кони нетерпеливо били копытами, Бартолин осторожно поднялся и вышел к ним, не переставая думать об этом странном мальчишке.

Глава вторая Силас выигрывает пари

Только к вечеру Силас вышел из комнатухи барышника. Вид у него был вполне бодрый и веселый. Мальчик с любопытством разглядывал конюшню, и Бартолин не мог не заметить, что его очень заинтересовали лошади.

«И впрямь, — думал барышник, — сейчас конюшня почти полна, любо поглядеть, как они стоят рядами от одной стены до другой».

В самом деле, Бартолин мог гордиться своими лошадьми, но и ухаживать за ними было нелегко.

— Ну вот, теперь ты выглядишь куда веселее, — сказал барышник, когда Силас подошел к нему.

— Так ведь почти что ничего не осталось, — радостно ответил мальчик, похлопывая себя по животу.

— Чего это почти не осталось? — голос барышника выдал дурное предчувствие.

— Еды, — откровенно сказал Силас. — Теперь мне только пить охота. Ты не дашь мне напиться?

— Никак ты все съел? — не поверил своим ушам Бартолин. — И ничего мне не оставил?

— Так ведь я сильно проголодался, — оправдывался Силас.

— Все равно должен был оставить что-нибудь для меня, ведь это как-никак мой хлеб, моя колбаса, а теперь мне будет нечем ужинать.

— А вчера мне нечего было есть целый день.

— А я-то тут причем? — возразил Бартолин. — Ну теперь ты за это поможешь мне управиться с лошадьми. Я из-за тебя потерял сегодня уйму времени.

— Я люблю лошадей, — с готовностью согласился мальчик.

— Будешь навоз выгребать? — спросил Бартолин.

Силас помедлил с ответом, и барышник решил, что он не знает, что от него хотят.

— Ну, можешь ты сгрести вот это и вывезти на тачке? — и он показал на смесь соломы и навоза в стойлах позади лошадей.

— Все вот это? — спросил Силас, окинув взглядом длинную конюшню.

— Да, — ответил Бартолин.

— Наверяд ли, — сказал мальчик.

— Ясное дело, сможешь, — затараторил барышник, — я тебя научу. Делай вот так.

Он схватил вилы и нагрузил тачку доверху навозом.

— Это вовсе не тяжело, — уверял он, — навозная куча возле самого дома, — и он показал на дверь конюшни.

— Вообще-то мне это делать неохота, — сказал Силас.

— Неохота! — проревел возмущенно Бартолин. — Может, ты думаешь, мне охота сидеть голодом до завтрашнего дня? Делай, что я тебе говорю. Меня в твоём возрасте никто не спрашивал, хочу я чистить конюшню или нет.

— Да ведь я пить хочу, — сказал Силас, — я ужас сколько хлеба съел.

— Колодец вон с той стороны, — указал Бартолин черенком вил.

Силас не тронулся с места.

— Ты, разумеется, хотел, чтоб я дал тебе пива? — язвительно спросил Бартолин.

— Хорошо бы, — отвечал Силас.

Бартолину хотелось опять заорать, но он сдержался:

— Ты получишь пиво, но сначала убереешь все это.

Он показал рукой на лошадиный навоз.

— Ну да! — сказал Силас и пошел к колодцу.

Бартолин подергал себя за бороду. Как бы заставить мальчишку остаться здесь, сделать его работником в конюшне? Правда, он маловат, но подучить его можно, а после он вырастет. Эта идея понравилась барышнику. Ведь иной раз нелегко работать одному, а когда надо ехать за покупками, приходится нанимать человека из деревни.

За постройкой проходила дорога. Силас поднимал ведро из колодца и задумчиво смотрел на нее. Дорога как дорога, не шибко хорошая, но ведь она ведет отсюда в какие-то новые места. Он долго стоял, пытаясь представить себе, где она кончается.

— Ты куда это подевался? — спросил Бартолин, когда Силас наконец вернулся.

— Да просто смотрел на дорогу. Куда она ведет?

— Ты мог бы остаться и работать у меня в конюшне, — поспешил сказать Бартолин.

Силас молчал.

— Ведь ты сам говорил, что любишь лошадей, — уговаривал его барышник, — и не хочешь глотать шпаги.

Силас замотал головой с такой силой, что его длинные волосы разлетелись веером.

— Ну, ты же сам видишь, — настаивал Бартолин, — что тебе лучше остаться у меня.

— И что я за это буду получать? — спросил Силас.

Тут пришла очередь Бартолина призадуматься.

— Хм... Получать... Голодать тебе во всяком случае не придется.

— Да, но ведь мне должна будет и плата полагаться кроме еды, разве нет?

Бартолин оценивающе оглядел мальчика с головы до ног.

— А сколько лет-то тебе? С виду не очень-то много.

— Тринадцать.

— Вот как, в твоём возрасте я до смерти был рад получить пропитание и жильё за свою работу.

Силас смотрел куда-то вдаль и не отвечал.

— Ну да ладно, сперва поглядим, на что ты годишься, — ободряюще заметил Бартолин.

— Я хочу, чтобы у меня была лошадь, — сказал вдруг Силас.

— Что? — спросил барышник непонимающе.

— Хочу, чтобы ты дал мне лошадь за работу, — пояснил мальчик так, будто речь шла о самом обычном деле.

— Что ты сказал? Лошадь?

Бартолин уставился на него так, будто только что его увидел.

Силас кивнул, а барышник разразился оглушительным хохотом.

— Ты что, не в своем уме? — проревел он.

Силас глядел в широко разинутый рот барышника.

— На что тебе лошадь? — спросил Бартолин, немного успокоившись. — Ты что, торговать собираешься? — Он снова оглядел Силаса с головы до ног с еще большим интересом. Может, из парнишки и в самом деле выйдет барышник?

Силас покачал головой.

— Так на что тебе лошадь?

— Ездить верхом.

Бартолин снова расхохотался.

— Тебе? Ездить верхом?.. Да что ты понимаешь в лошадях? Знаешь ли ты, где у лошади голова, где хвост?

Бартолин навалил навоз на тачку и покатыл ее из конюшни, размышляя над предложением мальчика. Ему до зарезу был нужен помощник, и он мог бы, пожалуй, дать мальчишке старую клячу за работу. Вроде бы неплохо задумано. Этот щенок еще ничего не смыслит. Он опростал тачку и снова закатил ее в конюшню.

— Однако тебе сперва придется пожить здесь некоторое время, — сказал он Силасу. — Лошадь стоит дорого, а кто тебя знает, может, ты сразу с ней удерешь.

Вид у Силаса был довольный.

— Я уже выбрал коня.

Бартолин обернулся к лошадям.

— Это которого же?

— Вон того, — без колебания сказал Силас и показал на вороного, нервно перебиравшего копытами.

Бартолин чуть было снова не взорвался, но взял себя в руки. Силас безошибочно выбрал его лучшую, самую дорогую лошадь, но ведь это могло быть и случайно. Он показал парнишке несколько понурых лошадемок с косматыми гривами, нахваливая их.

Силас глядел на него с глубоким презрением.

— Мне нужен только один конь.

Барышник был вне себя от изумления.

— Ясное дело, я тебе и дам одного коня, — пообещал он.

— Но мне нужен только вон тот, — и он указал на вороного.

— А почему же именно тот? — спросил осторожно Бартолин.

— Потому что он самый лучший.

— Видать, ты спятил! — вспыхнул барышник, но кому, как не ему, было понятно, что мальчишка прав.

Этот большой и грузный человек затрясся от хохота, из горла его вырывались громоподобные звуки, но веселого в его смехе было мало.

— Видно, ты сильно любишь сгребать навоз, — проревел он.

— Терпеть не могу, — признался Силас.

— Тебе придется тридцать лет чистить конюшню, чтобы заработать столько денег. Как долго ты думаешь здесь оставаться?

— Покуда не выплачу за коня, — не моргнув глазом ответил Силас.

— Так ведь конь успеет подохнуть от старости за это время, — продолжал Бартолин столь же громогласно, обрызгивая Силаса слюной. Мальчик и не подумал вытереть лицо рукавом.

Бартолин попытался было снова подтащить мальчика к маленьким лошаденкам, уверяя, что у них нет недостатков. Но Силас упирался, не желая двигаться с места.

— Это вовсе не лошади, — твердил он.

— Ты, вроде, говорил, что хочешь ездить верхом? — презрительно бросил Бартолин.

— Хочу, — ответил Силас.

Бартолин рассвирепел. Этот нахал еще смеет ставить ему условия. Неужто он думает, будто сможет объездить этого вороного! Да этот конь его тут же сбросит, не успеет он на него вскарабкаться.

И тут его молнией пронзила мысль:

— Ты можешь его получить, — выпалил барышник.

Мальчик, ошеломленный этими словами, переминался с ноги на ногу, пристально глядя в лицо барышнику.

— А как получить?

— Даром, — осклабился Бартолин. — Если сможешь прокатиться на нем взад и вперед вдоль конюшни.

Силас недоверчиво поглядел на барышника. Он пытался сообразить, что кроется за этими словами. Такой человек, как Бартолин, не станет дарить, он непременно захочет получить что-то взамен.

Барышник вдруг сменил ласковый тон на угрожающий:

— Но если не сумеешь, отработаешь тогда мне бесплатно два года. Согласен?

— А сколько раз можно попробовать? — любопытствовал Силас.

— Один.

Мальчик едва осмеливался дышать. Настоящая лошадь...

— Ясное дело, я стану тебя кормить, — продолжал Бартолин, — и, может, куплю пару деревянных башмаков. Но никаких денег не получишь.

Силас молчал, и барышник нетерпеливо сказал:

— Ну? Если сумеешь прокатиться, конь твой, не сможешь, ты — мой. И если не сумеешь сесть на коня, то же самое. Слабо?

— Ладно, — выдохнул Силас.

Бартолин растянул губы в улыбке, довольный. Бесплатный конюх на два года, не худо придумано! Он тут же пошел отвязывать жеребца. Конь мотал головой и сверкал белками глаз, закатывая зрачки. Силас внимательно следил за каждым движением коня, еще не веря, что это правда. Даровая лошадь за то, что он прокатится на ней взад и вперед по дорожке на выгоне...

Бартолин начал было говорить что-то о седле и стремях, но поскольку мальчик ничего ему не отвечал, он решил, что тот и понятия не имеет о верховой езде, не знает даже самых простых вещей. Внутри у барышника что-то прямо клокотало от радости.

Как он и думал, конь сразу же стал лягаться и все время пытался вырваться, как только его вывели на свет и на свежий воздух. Силас старательно держался

поодаль, предоставив Бартолину вывести вороного на лужайку, и старательно закрыл ворота.

Стоявший поблизости жеребенок с любопытством глядел на незнакомого коня и пошел было ему навстречу, но, увидев его строптивость, остановился на полпути посреди лужайки.

Силас это заметил.

Заметил это и Бартолин и подумал, что даже лошади понимают, как им подобает вести себя при виде своего благородных кровей сородича. Жеребенок не посмел подойти ближе.

— Ну, — сказал Бартолин мальчику, — иди же сюда.

Силас подошел и по знаку барышника крепко ухватил недоуздок.

— Ну, держишь?

— Да, — ответил мальчик.

— Если ты не можешь сесть на него, подведи к изгороди и встань на перекладину.

Силас кивнул, он и сам об этом думал.

Бартолин усмехнулся, он отлично знал, что это животное не потерпит никого у себя на спине, тем более этого несмышленного мальчишку: тут же скинет его и помчится. Потому он и разрешал Силасу прокатиться на выгоне, огороженном изгородью, чтобы конь не убежал.

— Держишь?

Мальчик кивнул, перекинул недоуздок в другую руку, а освободившейся уперся в шею коня.

«До чего же несуразно он встал, — подумал Бартолин, — ну да это его дело». И, отпустив недоуздок, быстро отошел к воротам.

Почувствовав, что он остался один на один с мальчиком, конь поднялся на задних ногах, и Силас повис в воздухе. Упираясь одной рукой в лопатку коня, он висел под углом к боку вороного и поэтому не падал под передние ноги коня, когда тот пытался стряхнуть его на землю и бил задними ногами.

«Ха!» — с презрением подумал Бартолин.

Конь продолжал куролесить, но мальчик держался крепко. Тогда вороной сменил тактику и стал скакать боком, чтобы затоптать его.

К большому удивлению Бартолина, мальчик по-прежнему крепко держался за недоуздок, увертываясь от атакующего его коня. Этого барышник никак не ожидал.

И вороной тоже явно не ожидал такого, он вдруг рванулся с места вдоль изгороди короткими рывками, потом помчался галопом. Когда же и это не помогло, он в испуге понесся вперед, дико кося глазом на человека, от которого ему было никак не избавиться.

Бартолин ждал, что Силас вот-вот выпустит поводья, но паренек не отставал от лошади: то висел, то бежал рядом с ней.

— Черт его побери, однако! — пробормотал барышник и встал у ворот, чтобы не дать коню убежать, когда тот вернется.

Ничего подобного он за всю жизнь не видел. Силас все еще висел на лошади, да еще и разговаривал с вороным. Правда, слов было не разобрать, с такой скоростью они мчались, но, наверно, Силас уговаривал коня.

«Но он должен прокатиться верхом на спине у лошади вперед и назад по дорожке вдоль выгона, — говорил сам себе Бартолин, — а то, что он висит, не в счет».

Он следил за парнем, чтобы не упустить момент, когда тот сумеет остановить лошадь, и успеть подойти к ней.

Но вдруг Силас сделал резкий прыжок и закинул одну ногу на спину коня. Ошалев от страха, вороной поскакал диким галопом. Ух ты! Мальчик висел, подлетая вверх и шлепаясь о бок лошади, как торба. У Бартолина при виде этого аж дух перехватило.

А жеребята, которые до того испуганно сгрудились на середине выгона, переминаясь с ноги на ногу, тоже лихо помчались галопом вслед за вороным, словно им кто-то приказал скакать строем. Испуганно и в то же время лихо помчались они, стуча копытами.

Бартолин стоял у ворот и нервно жевал клочок своей грязной бороденки. Дело принимало неожиданный оборот, и он каждую секунду ожидал увидеть позади табуна раздавленное тело мальчишки. Даже в самой дикой фантазии он не мог вообразить того, что сейчас представлялось его глазам. Это никак не могло кончиться хорошо, мальчишка непременно упадет, а сам он никак не сможет этому помешать. Если он встанет на пути вороного с целым табуном жеребят, мчащихся за ним, они собьют его с ног.

Теперь барышник запихал в рот здоровенный клочок бороды и принялся отчаянно его жевать. Почти наверняка никто не видел, как мальчишка причалил лодку возле его дома... может, когда лошади затопчут его насмерть, положить его в лодку и пусть себе плывет по течению с поднятыми веслами... Но он тут же отогнал эту мысль.

Однако Бартолин не видел никакой возможности выйти парню живым из этой передраги. Он уже потерял счет, сколько кругов сделал вороной по загону. Когда же Силас медленно и осторожно, подтягиваясь крошечными рывками, начал взбираться на спину лошади, барышник вовсе ошалел от изумления.

Увидев, что мальчику удалось вползти на спину лошади, он почувствовал неопишное облегчение, но оно тут же сменилось гневом и горькой досадой: мальчишка сел на спину вороного, он ехал верхом! Паршивец, хитрый щенок, ленивый, нахальный негодяй, неужто он выманит у него лучшего коня? Что же, он так и заберет вороного? Ну уж нет. Ведь он не сказал, что умеет ездить верхом, это нечестная игра.

Жилы на лбу у Бартолина вздулись, а мальчик круг за кругом скакал на вороном. Морда у коня покрылась пеной. Силас уже полностью контролировал положение и постепенно стал снижать скорость, сначала заставив лошадь идти рысью, а потом остановиться перед разгневанным мрачным барышником.

— Вот видишь, я справился! — ликовал Силас. Лицо у него было перепачкано грязью, волосы прилипли ко лбу, но глаза сияли.

— Что же, теперь нужно загнать коня в конюшню, — сказал вдруг Бартолин.

— Да я сейчас оботру его насухо, — ответил Силас и соскользнул с усталого, мокрого от пота вороного.

— Не надо, — отрезал барышник.

— Так ведь он весь мокрый.

— Это уж моя забота. Открой ворота.

Радостная улыбка исчезла с лица мальчика, он открыл ворота и поплелся за Бартолином и лошадей в конюшню. Здесь барышник принялся яростно тереть черные блестящие бока вороного пучками соломы.

Силас молча глядел на него.

— Ты хочешь сказать, что все равно не отдашь мне его? — спросил он наконец.

Бартолин пробормотал что-то невнятно и, нагнувшись, стал тереть брюхо коня.

— ТЫ что тут стоишь и пялишься? — рявкнул он вдруг. — Ну прокатился ты, что с того? На вот отнеси уздечку. Так и быть, положу тебе какое-никакое жалованье, когда погляжу, на что ты годишься.

— Так дело не пойдет, — сказал Силас, не двигаясь с места.

— Разве я не нанял тебя в конюхи? — заорал Бартолин.

— Это мой конь, — серьезно ответил Силас. — Мы бились об заклад.

— Бились, черт тебя подери, — завопил Бартолин, — иди и делай, что я велю, а не то не возьму тебя в помощники.

— Я не буду конюхом, — ответил Силас. — Я просто хочу взять своего коня.

— Что-о-о?

— Да, я выиграл спор, — настаивал Силас, — ты сам это предложил. Ведь ты не верил, что я могу ездить верхом, правда же?

— Если не хочешь помогать мне в конюшне, убирайся подобру-поздорову.

Ротозей мне здесь не нужны.

— Я мог свернуть себе шею, — громко и отчетливо сказал Силас.

— Ну и что из этого? Так ведь не свернул.

— Да это не твоя заслуга.

Силас не собирался добровольно отказываться от коня.

— Я тебя не заставлял его объезжать.

— Ты сказал, что отдашь мне коня, если я смогу прокатиться.

— Заткнись! — вне себя заорал Бартолин.

— Так ведь это мой конь.

Барышник схватил метлу и обрушил ее на мальчика, но тот увернулся, и метла просвистела в воздухе. В ярости Бартолин изо всех сил швырнул метлу в Силаса.

Мальчик присел, и метла с такой силой грохнулась о деревянную стену, что лошади в стойлах нервно задергались. Без сомнения, барышник хотел попасть в Силаса. Мальчик улыбался, и Бартолина это разъярило еще сильнее. Видно, мальчишка находил в этом что-то забавное.

— Проваливай! — крикнул барышник скалившему зубы Силасу. — Проваливай из моего дома!

— А я думал, ты хочешь нанять меня в конюхи.

— Ни за что! Исчезни! Видеть тебя больше не хочу!

— А как же вороной?

Бартолин схватил прислоненные к стене вилы и размахнулся черенком, но Силас был готов к выпадку и не дожидаясь, когда его ударят. Одним прыжком он

прыгнул на перекладину ближайшего стойла и ловко вскочил на спину стоявшей там лошади.

У Бартолина глаза чуть не выкатились из орбит.

— Ну, ударь, ударь! — смеялся Силас.

Бартолин перевернул вилы зубцами вперед и подошел ближе, глядя исподлобья.

Силас, смеясь, сделал ему нос.

— Спустись вниз, — прохрипел Бартолин, от ярости он почти потерял голос.

Силас в ответ только улыбался. Лошадь, на которой он стоял, была мощная, тяжелая, но ей вовсе не нравилось, что кто-то топтался у нее на спине. Она начала нервно дергаться туда-сюда и бить копытами о каменный пол.

— Спускайся, тебе говорят, — фехтуя вилами, продолжал кричать Бартолин, но теперь уже более внятно. — Я заколю тебя, если не спустишься.

— Сабли и вилы! — сказал Силас.

Бартолин бросился на него с вилами, но Силас без труда перемахнул в соседнее стойло. Он опять стоял, покачиваясь и пружиня, на спине другой лошади, которой это оказалось тоже не очень-то по нраву.

Бартолин кипел от бешенства. Но когда он снова попытался было достать Силаса вилами, тот перепрыгнул на третью лошадь, а первые две от испуга с грохотом били копытами.

— Сам видишь! — театрально воскликнул Силас, разводя руками.

Бартолин потряс вилами над головой.

Лошадь, на которой стоял Силас, все время пыталась его сбросить, и по лицу Бартолина было видно, как сильно он желал, чтобы так оно и случилось. Пусть бы этот мальчишка свалился под ноги лошади, пусть бы она размесила его в кашу...

Но уж теперь-то Силас вовсе не собирался дать себя затоптать. Ловко и легко скользил он от одной лошади к другой, а Бартолин, скрежеща зубами, преследовал его внизу. Блестящие, острые железные зубья были все время направлены на мальчика, но подойти близко, чтобы достать его, барышник никак не мог: очередная лошадь, испуганная оттого, что на ее спине что-то двигалось, лязгала зубами и била копытами.

Силас передвигался все дальше. Одна лошадь за другой пускались в бешеный галоп на месте, выбивая искры из-под копыт, и Бартолин никак не мог остановить этот грохочущий поток, разливавшийся вдоль всей конюшни. Рот его все время шевелился, и Силас был уверен, что барышник ругается и проклинает его, но слов было не разобрать. Человеческий голос не мог перекрыть грохот, который подняли животные.

Бегая внизу, Бартолин в отчаянье заламывал руки. Все его хорошие кони разом взбесились, все его хорошие кони сейчас разобьют сами себя в кровь, лягая деревянные перекладины, скача на месте, закатив глаза. В жизни с ним не случалось ничего подобного. Все его мольбы, рев и проклятия вперемешку с руганью были напрасны. Конюшня ходила ходуном, и ему казалось, будто он сам гибнет посреди адского грохота. И вся эта напасть из-за какого-то треклятого мальчишки, который решил, видно, погубить всех его животных. А вдруг они уже никогда больше не станут здоровыми лошадьми? Ведь он будет разорен...

Бартолин заскрипел зубами, чтобы не разреветься.

Поравнявшись с дырой в потолке, через которую Бартолин утром сталкивал вниз сено, Силас подпрыгнул, ухватился руками за балку и поджал ноги.

Барышник в бессилии погрозил ему вилами:

— Спускайся вниз, дьяволенок!

Силас дружелюбно усмехнулся, слов Бартолина он не расслышал, видел только, как шевелились его губы.

Продолжая улыбаться, мальчик сунул руку под рубашку и вытащил флейту, ту самую, что столь душераздирающе звучала утром на реке. У Бартолина мурашки поползли по спине, едва он вспомнил, как ужасно она визжала.

Стоя на балке, Силас заиграл на флейте. Чтобы его услышали, дуть ему пришлось сильно. Сначала стоявшие рядом лошади начали испуганно прятать ушами, но вскоре и остальные стали прислушиваться. Тогда флейта Силаса запела тише, она звала их, разговаривала с ними, и мало-помалу лошади одна за другой перестали молотить копытами. Дыхание их становилось спокойнее. Когда оглушительный грохот умолк, могло показаться, что уши просто заложило, если бы не игра Силаса — такая осторожная, тихая и красивая. Лошади успокоились, и теперь Силас играл для одного Бартолина.

Барышник не так скоро пришел в себя, как лошади, но наконец к нему вернулся голос, усталый, слабый, вовсе не похожий на его обычный рев.

— До чего же ты вредный, — сказал он.

— Вовсе нет, — ответил Силас с балки.

— Ты почему не уходишь?

— Потому что хочу взять свою лошадь.

— Нет у тебя никакой лошади.

— Есть, — упрямо ответил Силас.

— Катись ко всем чертям, или я раздавлю тебя, — взвился Бартолин, ярость снова ударила ему в голову.

Силас проворно снова поднес флейту к губам, и, казалось, вой всех волков на свете полетел по длинной конюшне из дырочек под его пальцами. Все лошади Бартолина заржали от страха.

Грузный человек застонал и умоляюще замахал руками:

— Заткнись, заткнись!

Силас опять отнял флейту от рта.

— Ты их угробишь, — простонал барышник, — они этого не выдержат.

— Сам будешь виноват. Выбирай, остаться тебе без одной лошади или без всех разом. Если я не получу лошадь, то и у тебя их не будет.

Бартолин покосился на него.

— Хоть бы ты сломал себе шею, — пробормотал он.

— Охота тебе послушать, что я еще умею играть? — спросил Силас.

— Нет, нет, нет, ради бога не надо...

Казалось, он молил пощадить его, не убивать.

— Тогда отвяжи вороного и выведи его из конюшни.

Бартолин мешкал, свесив вдоль тела тяжелые руки.

— Или я напущу на тебя еще целую стаю волков, — пригрозил Силас.

Бартолин отвязал жеребца и вывел его из конюшни, а Силас змеей соскользнул вниз с чердака и пошел следом, наигрывая нежно и тихо. Лошади в конюшне успокоились. Улыбаясь, Силас вскочил на лошадь, уселся поудобнее, его флейта не переставала издавать нежнейшие звуки.

Конь пошел медленным шагом. Бартолин стоял словно парализованный у дверей конюшни и смотрел на него. Вороной шел, грациозно переступая ногами, мальчик правил им, слегка надавливая коленками на бока, а пальцы его осторожно перебирали дырочки флейты. От недавней дикости жеребца не осталось и следа, он послушно и изящно выступал по кругу перед длинной конюшней. Если бы здесь были зрители, любой бы подтвердил, что Силасу не стоило ни малейшего труда увести отсюда коня.

И никто не смог бы сказать, что Бартолин не видел, как это случилось. Да прежде всего сам Бартолин, который не двинулся с места. В этот день он пережил такое, что запомнилось ему на всю жизнь. Бартолин стоял, уставясь молча на мальчика и коня, словно это были не настоящие живые существа.

Солидно, неторопливо прервал всадник это хождение лошади по кругу, направил ее к дороге за домом и дальше по дороге, вдоль реки, в ту сторону, куда она текла. И еще долго-долго прислушивался Бартолин к удаляющимся звукам флейты и ударам копыт.

Потом он заставил себя двинуться с места и пошел на берег. Здесь он увидел лодку, ее форштевень был наполовину вытасчен на песок; странная, необычная лодка, она поразила его еще утром, когда он увидел ее плывущей по реке. Теперь она была ничейная.

Он спустился к лодке, перешагнул через борт, уселся, потом лег так же, как мальчишка, когда плыл по течению, — выставив вперед ноги и упираясь головой о противоположный край. Река под лодкой что-то бормотала, о чем-то говорила, и мало-помалу темнота начинала заволакивать кусты и овражки на крутых склонах.

Так он лежал долго, пытаясь понять, что же это за мальчишка, что пробыл сегодня с ним целый день; все лежал и ждал, когда же к нему вернется ярость.

Глава третья Воровская деревня

С виду это была самая обыкновенная деревня. Силас с громом промчался между домами, так что куры и поросята бросились врассыпную, а малые ребятишки, мирно копавшиеся в теплой дорожной пыли, пустились наутек, в спасительную темноту открытых дверей. Он скакал с самого восхода солнца, и оба они — конь и мальчик — устали и проголодались. Силас не ел со вчерашнего дня, после того, как подкрепился хлебом и колбасой у Бартолина, ночь он провел тоже плохо.

Посреди деревни Силас придержал коня и огляделся. Вся деревня состояла из двух рядов домов, выстроившихся вдоль дороги и образующих своего рода улицу. Она была немного шире той дороги, по которой он прискакал сюда, еще более пыльная и такая кривая, что концы ее одновременно не просматривались.

Нигде не было видно ни души. Удастся ли раздобыть здесь что-нибудь поесть? Силас не почувствовал себя здесь желанным гостем.

Дома стояли боком к дороге, окон в них было мало, и, несмотря на раскрытые двери, они имели не очень-то гостеприимный вид. Может, потому что улица была пуста, даже куры попрятались.

Он немного подождал. Чувствуя, что за ним наблюдают из темноты, и желая показать свое дружеское расположение, он крикнул:

— Здорово!

Две-три собаки выбежали и залаяли, и больше никого. Он крикнул снова, выбежало еще несколько собак. «Может, здесь принято сидеть в домах и натравливать на всех пришельцев собак, — подумал Силас, — а может, здесь живут одни собаки?»

Когда накануне вечером он выехал от барышника, он считал, что быстро прискачет куда-нибудь, но до ближайшей деревни оказалось дальше, чем он думал, и места здесь были безлюдные и бедные. По дороге он не видел ни одного дома, ни одного возделанного поля, не встретил никого, кроме овец.

Дорога все время шла вдоль реки, иногда отступая от берега к сухим бурым холмам, поросшим какой-то страшно жесткой неаппетитной травой. Во всяком случае конь есть ее не желал. Овцам же здесь, по-видимому, жилось привольно, и они паслись сами по себе.

Когда стало смеркаться, Силасу не раз казалось, будто вдалеке стоит человек, но каждый раз, подъехав ближе, он убеждался, что принял за пастуха можжевельный куст, росший на склоне холма. Не раз он также принимал издали открытый навес для овец за человеческое жилище.

Под одним из таких навесов он переночевал вместе с лошадей. При одной мысли об этом Силаса вновь пробрала дрожь, так он промерз на этом ночлеге. Конечно, какой-никакой навес лучше, чем ничего, но там был лишь тонкий слой соломы на земле, и, хотя он в темноте сгребал солому в кучу, все равно спать было ужасно холодно и так же неудобно, как лежать в плывущей по реке лодке. Утром тело ломило, одолевала усталость. К тому же его одежда, кажется, стала пахнуть овечьим навозом.

Словом, этой ночью ему хотелось бы спать если не в доме, то по крайней мере на сеновале над теплой конюшней, но для этого требовалось, чтобы его встретили в деревне дружелюбно. Странно все-таки, что ни один человек не появлялся на улице, одни собаки... Они так и кружили вокруг коня, но их двуногие хозяева все куда-то попрятались.

Силас оставался сидеть на коне. Ему вовсе неохота было спускаться на землю и подставлять собакам босые ноги, не похоже было, чтобы их здесь кормили досыта. Когда жители вдоволь наглядятся на него из темноты, то подойдут ближе. Поймут, что он им не страшен.

Так он и сидел себе, и у него было довольно времени, чтобы разглядеть деревню, но любоваться было особенно нечем, в какую сторону ни поверни голову. Все дома обветшалые, на фасадах повсюду проглядывала серо-желтая глина, побелка облезла и свисала большими лохмотьями. Никому почему-то не приходило в голову подновить стены, побелить их заново. И крыши выглядели не лучше: косые, горбатые, дырявые. Видно, он попал в очень бедную деревню.

«С какой же им тогда стати делать вид, что их нет дома?» — подумал Силас, терпенье у него начинало лопаться. — Для чего заставлять меня сидеть здесь, окруженным сворой псов? Не очень-то это вежливо!»

Ясное дело, он мог ехать дальше. Кто сказал, что ему нужно здесь остановиться, ведь есть, наверно, и другие деревни на берегу этой реки? Силас взвесил все «за» и «против» и начал, потихоньку понукая коня, пробираться сквозь лающий собачий заслон. Но его урчащий желудок забастовал, он пожелал остаться здесь и насытиться хоть чем-нибудь. Да и о коне надо было подумать.

И вдруг со ступенек крыльца почти рядом с Силасом сошел худой пожилой крестьянин. Он постоял немного молча, глядя исподлобья на мальчика, на коня, и, как Силасу показалось, недружелюбно.

— Ну? — спросил он наконец. — И что же там решили?

Силас, озадаченный, поздоровался, извинился, если помешал отдыхать после работы. В темноте за открытой дверью ближайшего дома он различил несколько движущихся голов. Такую же картину наверняка можно было бы увидеть и в других домах, вся деревня пялила на него глаза, хотя он этих людей не видел. Тощий крестьянин, стоявший на лестнице, засунул большие пальцы за засаленную жилетку и вовсе не собирался просить Силаса спешиться, он даже не попытался отогнать от лошади собак.

— Значит ответ был «нет»? — спросил он погодя.

— Что-что-что? — удивился Силас, не понимая, о чем идет речь.

— Так я и думал, — с горечью сказал крестьянин, — что у этого трусливого пса не хватит духу самому прийти и сказать это.

— У кого? — спросил Силас.

— Не прикидывайся дурачком, — отрезал пожилой. — Идите-ка сюда, — закричал он на всю улицу.

И тут же в распахнутых дверях всех домов показались люди, стар и млад. Силас не сомневался, что они до этого стояли за дверями и слушали.

— Слышали, что он говорит? — громко спросил он.

У Силаса возникло неприятное ощущение, что его с кем-то путают, к тому же он ни слова им не говорил. Голов в дверях появлялось все больше и больше, и теперь уже мальчику казалось, что дома вокруг битком набиты людьми — и взрослыми, и детьми, которые сидели на руках у матерей или вертелись у них под ногами.

Лишь в доме говорившего с Силасом старика не было видно никого, кроме него.

Силас весь напрягся. Ему нужно было как можно скорее выяснить, за кого его принимали.

— Привет вам от шпагоглотателя Филлипа. Кстати, не осталось ли у вас чего-нибудь от ужина? — очень вежливо спросил мальчик, ему ужасно не хотелось ехать дальше с пустым желудком.

Человек, стоявший на крыльце, поглядел на него удивленно и недоверчиво.

— Ты говоришь про фогда?

— Про какого еще фогда?

— Ты почему не говоришь, что тебе велено передать? Думаешь, мы не знаем, что ответ был «нет»? Почему же это они послали сопливого шпендрика сказать нам это?

— Что мне надо передать? — с любопытством спросил Силас.

— Получим мы отсрочку или нет? Когда придут его люди за налогом?

— Откуда мне знать?

— Конечно, от Мартино, — взволнованно крикнул крестьянин, — от фогда, узнать, когда придет сборщик налогов и отберет у нас последнее.

— Не знаю я никакого Мартино, — Силас старался говорить спокойно, — вы, верно, путаете меня с кем-то.

— Чертов враль! — проревел крестьянин, — будто мы не видим, что ты сидишь на одной из его лошадей!

— Это вовсе не его конь.

— А чей же тогда?

— Мой.

Крестьянин залился хохотом.

— Слыхали? Он уверяет, что это его лошадь.

Мужчины, окружившие Силаса, зашептались.

— А кто ты сам-то, раз у тебя такая же лошадь, как у фогда? — презрительно спросил крестьянин.

— Силас, сын Анины.

Человек поднял брови.

— А что это за Анина? Хотел бы я знать.

— Она ходит по натянутому канату и держит в одной руке зеленый зонтик, а в другой синий, — ответил Силас.

— Ишь ты, — насмешливо сказал крестьянин. Ясно было: он решил, что у Силаса не все дома.

— А как тебя самого звать? — спросил мальчик.

— А то ты не знаешь, кто я такой!

Силас покачал головой, выжидая.

— Почему же ты тогда остановил лошадь у моего дома? И что тебе вообще надо в нашей деревне, если это не фогд тебя послал?

— Есть захотел, — быстро ответил мальчик.

Собравшиеся заговорили.

— Мы бы тебя накормили, если бы ты привез нам отсрочку. Разве тебе не говорили, что это бедная деревня? Разве тебе не говорили, что меня зовут Эммануель?

Силас снова покачал головой. А Эммануель принялся пристально разглядывать коня.

— Где ты его взял? — недоверчиво спросил он.

— Выиграл его на спор.

— Что? А у кого?

— У барышника Бартолина, у которого длинная конюшня, — Силас махнул рукой в сторону, откуда он приехал.

Толпа замерла. Даже собаки перестали ворчать.

— Этот выжига? — возмущился Эммануель. — Да он отказывает себе во всем, лишь бы накопить кучу денег. Может, ты украл у него коня?

— Нет.

Эммануель кивком головы указал на дом позади него:

— Слезай с коня, пошли, я дам тебе поесть. — И, помедлив немного, добавил:

— Коня пока можешь отвести в мою конюшню.

— Спасибо, — ответил Силас, — но я хочу его слышать.

Он соскользнул с коня и привязал уздечку к кольцу, вбитому в стену возле двери. Внутри, в большом полутемном помещении, служившем и комнатой и кухней, жена Эммануеля уже собирала на стол. Силас заметил, что в доме и в самом деле не было ребятишек.

Пока Силас ел, Эммануель то и дело подходил к дверям поглядеть на лошадь или выходил на двор с кем-то поговорить. О чем там шла речь, Силас не мог разобрать.

— Я это... велел задать корму твоему коню, — оправдывался он, возвратись в комнату, после того как довольно долго пробыл на дворе.

Силас покосился на него.

— Попробуй-ка моего пивка, — весело продолжил крестьянин, — не помешает запить еду чем-нибудь вкусеньким.

Он тут же принес кувшин и две кружки и чокнулся с Силасом.

— Крепкое, — сказал Силас.

— Это лучшее пиво во всей деревне, — заявил Эммануель. — Но может, для тебя оно слишком крепкое. Может, ты еще слишком мал, чтобы пить пиво?

— Вовсе нет.

Немного погодя крестьянин начал расспрашивать мальчика про пари с Бартолином. И Силас подробно рассказал ему, как все это было.

По мере того, как мальчик рассказывал, сутулый человек смотрел на него все более недоверчиво.

— Не слышал, чтобы этот барышник кому-нибудь что-нибудь подарил бы, — сказал он и подлил еще пива мальчику. — Нам так приходится покупать, и он с нас хорошо дерет. Видно, он не по своей воле позволил тебе взять коня.

— Он сам вывел его для меня из конюшни.

Эммануель призадумался.

— Ты можешь получить за коня хорошие деньги, если захочешь продать его.

— Нет, — равнодушно ответил Силас.

— Я мог бы купить его у тебя.

— А деньги у тебя на это есть?

— Могу дать тебе сотню серебряных монет.

— Дешево же ты ценишь человеческую жизнь.

— Так ведь это лошадь, — засмеялся Эммануель. Но вдруг нахмурился. — А ты часом не убил Бартолина? — с ужасом спросил он.

— Я свою, жизнь имел в виду, — ответил Силас, — эта сделка могла стоить мне моей собственной шкуры. И, между прочим, лошадь эта непродажная.

Эммануель подлил ему еще пива и предложил за вороного двести монет серебром.

Силас лишь усмехнулся — мол, неужто какой-то дурак думает, будто он согласится продать своего коня. Тяжелая усталость и сонливость наваливались на него. «Верно оттого, что так плохо прошла ночь в овечьем сарае,» — подумал он. Утолив голод, он почувствовал неодолимую тягу закрыть глаза.

Голос крестьянина все обволакивал и обволакивал его сознание, и пиво стало теперь совсем не таким, какое он пробовал вначале, оно обжигало горло и горячило желудок. А может, в пиво что-то подлили? — мелькнула у него смутная мысль.

Он уронил голову на руки, но сон еще не завладел им полностью.

Крестьянин что-то сказал жене, ненадолго наступило молчание, затем, при звуке голосов, Силас очнулся, но не в силах был стряхнуть с себя дремоту. Говорили о коне. Эммануэль ликовал, а жена говорила тихо и нерешительно. Но мальчик так и не понял, о чем шла речь.

Потом он почувствовал, как чьи-то руки стащили его со скамьи, и решил, что его хотят положить на кровать. Но вместо этого его вынесли из дома. Он ощущал свежий воздух и солнечный свет, чувствовал, что висит как мешок, который несут четыре руки.

Он хотел воспротивиться, проснуться, вырваться из этих рук, не дать им унести его неизвестно куда. Но эти мысли лишь еле теплились в глубине его сознания, он не мог ни шевельнуться, ни вымолвить слово.

Он снова провалился в сон и очнулся лишь на мгновение, когда его положили на что-то твердое. Сквозь сон он слышал, как где-то журчала вода. А над ним люди говорили что-то непонятное.

— Весла, — сказал один.

«А на что мне весла?» — смутно подумал Силас.

Рядом с ним бросили что-то тяжелое. «На что мне весла, если у меня есть конь?»

После этого Силас провалился в сон.

Глава четвертая Мария

Тошнота.

Отвращение, как длинный кол, вбитый от горла до желудка. Силас перевернулся на спину и слегка приоткрыл глаза, где-то в глубине сознания, за душившей его тошнотой шевелились обрывки сна. Ему снился его вороной. Настоящий конь, на котором он ехал.

Силас попытался вспомнить сон отчетливо, но голова у него сильно болела, а когда он пошевелился, заболели живот и все тело. Видно, он захворал. Сильно захворал. А ему так хотелось досмотреть сон про коня.

Это был вовсе не конь Карлоса, а совсем другой. Ведь у Карлоса лошади не вороные. Силас вздохнул. Небо над ним было бело-синее с красивыми кудрявыми облаками, свет резал глаза. Может, это потому, что он еще не совсем проснулся? Хуже всего, что ему вовсе не хотелось просыпаться, такого с ним никогда не было, может, это оттого, что он захворал?

Силас прикрыл рукой лицо от солнца. Рукава у него были мокрые. Что с ним случилось?

Он положил мокрый рукав на лоб — в голове у него так сильно стучало, что он не мог ни о чем думать. Он почувствовал, что и спина у него мокрая. Может, лодка дала течь? Нет, вряд ли, эта тупоносая лодка была совсем новая, такая не может потонуть.

Он снова вздохнул и стал думать о лошади, которую видел во сне. Этот конь был такой горячий, как четыре лошади Карло и Филлипа вместе взятые. Досадно только, что теперь он не сможет выступать в номере Карло с лошадьми. Это все Филлип виноват. В том, что мальчишка выделяет разные выкрутасы на спине лошади, нет ничего нового, сказал он, это многие умеют. А вот мальчишка, который умеет глотать шпагу, это дело другое. И он решил заставить Силаса научиться этому.

Силас съежился. Уж он-то запомнил, что чувствует человек, когда в горло ему воткнули шпагу, хотя бы даже тонкую. Ему казалось, что она и сейчас сидит у него там, он даже чувствовал во рту привкус металла. И потом эта тошнота...

Тогда его стошнило прямо на Филлипа и он укусил шпагоглотателя за пальцы, когда тот еще раз попытался открыть ему рот. Филлип издал рев и запрыгал на одной ноге, размахивая пальцами, кровь потекла по руке и окрасила его белый рукав. Она текла так сильно, что Филлип схватил шпагу и начал лупить Силаса, словно хотел убить его. Он бил его до тех пор, покуда Анина не прибежала и не оттащила сына.

— А ты только погляди! — рявкнул Филлип и сунул окровавленную руку чуть ли не в лицо ей. — Думаешь, это приятно?

Сейчас Силас лежал и думал о том, что надо было вовсе откусить палец этому надутому Филлипу. Он с трудом перевернулся на живот. Теперь мокрым у него стал и живот. Откуда же вся эта вода? И тут только мальчик разглядел, что плывет совсем в другой лодке, в какой-то старой плохо просмоленной плоскодонке, которую он раньше никогда не видел. Что же его ждет?

С большим трудом он встал на колени и начал шарить на корме в поисках черпака — вычерпать воду было необходимо, как бы ни болела голова. Медленно, слабыми руками выливал он воду за борт и пытался вспомнить, что же с ним все-таки случилось, все с самого начала.

...Сперва он сидел на дереве и смотрел, как Филлип и Карло готовились к отъезду.хлопотал больше Карло, Филлип намотал на руку столько тряпок, что не мог ничего делать. Когда же пришло время уезжать, они стали звать его, Силас слышал, как Филлип и Карло выкрикивали его имя, спрашивали у прохожих, не видели ли они его, как мать все звала и звала его. Блестящие, напомаженные усы Филлипа возмущенно топорщились. Мало того что он позволил мальчишке укусить его, теперь он еще должен ждать этого паршивца. Он страшно ругал Анину за то, что она не знала, куда подевался Силас. А Силас сидел на дереве, стиснув зубы, чтобы ненароком не обругать этого противного Филлипа. Пусть бы у него началось воспаление пальца или заражение крови.

В конце концов они вынуждены были все же уехать. Филлип впереди в деревянном красно-желто-синем фургоне, а Карло вместе со всем реквизитом в старой скрипучей дорожной повозке, крытой брезентом. Лишь когда стало совсем темно, Силас слез с дерева, спустился вниз к реке и столкнулся на воду лодку.

Продолжая вычерпывать воду, он огляделся.

Весел здесь, конечно, не было. Весел? А кто говорил про весла, когда он спал? Силас оттолкнул черпак, взялся за голову обеими руками и думал, думал о том, что случилось. И память стала возвращаться к нему. Он вспомнил крестьянина Эммануеля и других из этой деревни, должно быть, это они положили его в челнок, когда он спал. И весла убрали, чтобы он не мог пристать к берегу. А может, чтобы утонул.

Он тихо выругался и стал ощупывать свою голову, распухшую и мягкую, как гнилая дыня. Ему казалось, что лишь тоненькая кожа не давала ей развалиться и что шпага, все время сидевшая в горле, хочет выскочить наружу. Он нагнулся над бортом, и его вырвало в воду. Немного погодя ему стало лучше, он стал искать, чем бы ему грести. На дне челнока лежала доска, ее можно было использовать вместо весла, если грести осторожно. Силас опустил один конец доски в воду и стал медленно подгребать к берегу. На мели он выскочил из лодки прямо в воду и побрел к берегу, а челнок поплыл дальше. Эту старую развалюху прятать не стоило, он даже ни разу не оглянулся на нее. Выбравшись на берег, он мелкой рысью потрусил в ту же сторону, откуда приплыл. Он должен был вернуться в деревню и найти свою лошадь.

К вечеру, когда Силас, сокращая путь, шел через низину, он вдруг увидел девочку, которая сидела и доила козу.

«Молоко... — подумал он. — Как бы я сейчас выпил молочка!» И, раздумав идти напрямик к деревне, он подошел к девочке и спросил, не даст ли она ему немного молока.

Девочка застыла на месте от испуга, но не повернула головы, чтобы взглянуть на него.

— Не дашь ли мне немножко молока, когда кончишь доить? — спросил он еще раз, решив, что она не расслышала его слова.

— А кто ты такой?

— Один из тех человечков, что вылезают летом из дупла, — весело выпалил Силас.

Он не мог понять, почему она все еще сидит, не оборачиваясь. Решив, что она дурачится, он толкнул ее в бок, отчего волосы у нее свесились на лицо.

— Я пить хочу, — нетерпеливо сказал он, заходя сбоку.

— Ступай своей дорогой, — ответила она и повернулась к нему затылком, — мне не велено разговаривать с незнакомыми.

— И поэтому ты повернулась ко мне спиной?

Девочка поднялась на ноги.

— Домой пойду.

— Пойдешь, только погодя, — сказал он и бесцеремонно схватился за ручку ведра. — Сначала я выпью чуть-чуть.

«Молока в ведре много, — подумал он, — не беда, если я сделаю пару глотков».

— Я маме скажу, — прошипела девочка.

Силас презрительно усмехнулся:

— Ах, какая ты послушная. Рад за твою мамочку.

Он попытался вырвать у нее ручку ведра, но она держала ее двумя руками.

— Отпусти ведро, жадина, не бойся, я не все выпью.

— Девочка отчаянно сопротивлялась и не отдавала ведро, по-прежнему не поднимая головы, так что и лица ее было не видно.

— Мама разозлится, если я мало молока принесу, — хныкала она, — подумает, что я разлила его, и прибьет меня.

— А вот ты сейчас и разливаешь его, отпусти!

Молоко выплескивалось на руки Силаса и даже на траву.

— Вот мать и поколотит тебя.

Быстро, как зверек, она нагнулась и укусила его за руку. Силас взвыл, схватил добрый пучок ее растрепанных волос и запрокинул ей голову назад.

— Чертова девка, грызет, как крыса.

Девочка тут же отпустила ручку и закрыла лицо обеими руками, ведро с молоком тяжело ударилось о ногу Силаса и чуть не опрокинулось, но он этого не заметил. Зато он успел разглядеть ее лицо и оцепенел от ужаса. У девчонки не было глаз. Совсем... Он стоял, словно окаменев, а она пустилась бежать, шатаясь и запинаясь, натыкаясь на кусты, падая на кочки.

Но ведь он не хотел ее обидеть...

Он стал пить молоко, все пил и пил, чтобы делать хоть что-нибудь, пил, куда почти ничего не осталось. А эта сцена все не выходила у него из головы, странная и страшная. Лицо без глаз. Одни глазницы.

Ему казалось, что при мысли об этом его собственные глаза стали расти, росли все больше и больше, становились горячими, прямо-таки жгли веки. Ничего подобного он никогда раньше не испытывал и в страхе крепко прижал руки к глазам, чтобы они не вывалились или не лопнули. «Это все из-за того, что я думаю о ее страшном лице. Не хочу, не хочу!» — говорил он себе. Но не мог прогнать это ужасное видение — пустые глазницы под растрепанными волосами.

Не открывая глаз, он достал флейту из-под рубашки и начал играть, выдувая самые дикие и пронзительные звуки, похожие на завывание бури, забыв, где он и что с ним. Играл и играл, как вдруг чья-то сильная рука рывком схватила его за воротник и пригнула голову.

Он видел лишь пару разбитых деревянных башмаков с изношенными подошвами, толстые щиколотки, а над ними целую массу юбок. «Это ее мать,» — подумал Силас, вытянув шею и пытаясь вырваться. Но рука его не отпускала, тетка трясла его, как тряпичную куклу, и орала прямо в ухо:

— А, вот ты где, паскуда! Что ты сделал с Марией?

— С какой еще Марией? — спросил Силас, тщетно пытаясь сохранить свой обычный вежливый тон.

— Сам знаешь с какой!

Женщина еще сильнее сжала его шею железными пальцами, так что Силас охнул.

— Что ты сделал с ней?

— Ничего, — робко ответил Силас. Затылок у него ужасно болел.

— Почему же тогда она прибежала домой как сумасшедшая и не могла даже сказать, что с ней случилось?

Силас почувствовал, как в нем закипает злоба, ведь он в самом деле не сделал девочке ничего плохого. Но его гнев перебивала адская боль в шее, которую, казалось, сейчас расплющат.

— Ну? — она со злобой тряхнула его несколько раз. — А молоко? пнула она ведро носком деревянного башмака. — Может, не ты его выпил? Может, и в этом ты не виноват?

Шея горела огнем, а женщина по-прежнему сжимала ее как клещами. Силас с ненавистью смотрел на ее лодыжки. Он мог бы достать до них рукой, но ущипнуть не смел.

— Отвечай! — продолжала женщина и совала ведро ему под нос. — А коли не хочешь отвечать, пойдешь со мной.

Она в самом деле потащила его, продолжая все так же крепко держать за шиворот, и Силасу пришлось прыгать, пригнувшись, рядом с ней. Всю дорогу к дому, стоявшему у реки, она тащила его столь позорным образом, даже у двери не дала ему опомниться, выпрямиться, а втокнула вытянутой вперед рукой в пристройку, где пахло рыбой, потом в кухню. Двое маленьких мальчишек, сидевших на крышке большого деревянного ларя, удивленно и испуганно вытаращились на Силаса, когда мать тащила его мимо них.

Рядом с узеньким кухонным столом у окна спиной к ним стояла Мария. Она стояла не шелохнувшись и делал вид, что чистит картошку; Силасу показалось, что слепая как бы пронзительно разглядывает его всей обращенной к нему спиной, на которой как будто выростали тысячи глаз.

Женщина протащила его, скрюченного, мимо грубо сколоченного стола, неуклюжих стульев и скамьи к низкой дверце в задней стене. Одной рукой она подняла крючок и открыла дверь, другой толкнула его в темноту и закрыла дверь на крюк. Силас никак не мог понять, где его заперли.

Он постоял и потер загривок, который распух и горел огнем. «Лисий капкан да и только, — подумал он, — могла бы держать и полегче, чуть не свернула мне шею».

Пошарив по стене возле двери, он обнаружил полки с кринками, недалеко от двери ударился пальцами босых ног о что-то длинное, деревянное с крышкой, похожее на лохань, в которой хранят мясо. Он сел на нее. Да, видно отсюда не выбраться.

Женщина ходила по кухне, стуча деревянными башмаками, гремя горшками и прочей утварью изо всех сил. «Верно, злится, что провозилась со мной столько времени, — подумал Силас, — не дай бог иметь такую мать».

Чуть погодя она велела позвать отца, и кто-то мигом скатился с деревянного ларя и исчез, чьи-то ноги промчались галопом по двору в сторону реки. Силасу оставалось лишь покориться.

Вскоре за стеной, у которой сидел Силас, слышались тяжелые шаги взрослого мужчины. Мальчик мысленно проследовал за ним вдоль дома, через пристройку, в кухню, к скамье у стола.

«Рыбак,» — подумал Силас и попытался представить себе, как он выглядит. При такой-то жене и дочери!

Они принялись за еду.

— Сегодня один напал на Марию, когда она доила козу, — вдруг резко бросила жена.

Рыбак закашлялся с набитым едой ртом.

— Она примчалась домой и сказала, что это человечек, из тех, что летом вылезают из деревьев.

— Вздор! — сказал рыбак. — Что он тебе сделал?

Молчание.

— Почему не отвечаешь?

Молчание.

Из кухни донесся звук, будто ложка упала на тарелку. Силас вскочил. Они били ее.

— Не ври, что он просто глядел на тебя, — грозно рычал рыбак, — чего ему на тебя глядеть! Отвечай! Что он тебе сделал?

— Ничего... Он только молока хотел... — неразборчиво промямлила девочка.

— Хм, — хмыкнула хозяйка. — Девка прискакала домой, будто черт гнался за ней по пятам, бросила молоко и все на свете...

Силас слышал, как они собрались вокруг слепой девочки и, похоже, попрекали ее тем, что она такая, безглазая. Чего доброго, опять начнут ее бить... Но чем он мог ей помочь? Кричать? Объяснить, что он хотел напиток молока? Или с грохотом побросать на пол все горшки с полком? Мысли у него в голове перебивали одна другую, надо было торопиться. А что, если... Силас зловеще усмехнулся и выдернул флейту из-под рубашки. Взять один тон, один-единственный. Он знал, каково это действовало, какое удовольствие он этим доставит. Уши пухнут, когда слышишь эти звуки, а если их слушать долго, голова начинает кружиться и к горлу подступает тошнота.

Горя желанием наказать рыбака, он приставил флейту к губам и подул изо всех сил.

В кухне вся семья разом охнула, а рыбак откинулся назад и грохнулся спиной о стену, так что горшки с вареньем задребезжали. Силас злорадно усмехнулся, он знал, что делает. Затем кухню заполнила гробовая тишина, и Силас ясно представил себе, как они ошалело разинули рты.

«Так им и надо», — подумал он.

— Что это такое, черт побери? — проревел во все горло рыбак, чтобы побороть свой страх.

— Ну да, — сказала жена, когда первый страх прошел, — это он.

— Кто такой «он»? — продолжал орать рыбак.

— Да тот, человечек из древесного ствола, — криво усмехнулась жена.

— А где он? — растерялся хозяин.

— Вон там сидит. Можешь сам отворить дверь.

Как только рыбак поднялся из-за стола, он перестал играть и быстро спрятал флейту. «Раз они хотят видеть маленького человечка, пусть увидят», — подумал он и оперся руками о пол. Потом осторожно поднял ноги к потолку и опустил так, что его босые ступни встали ему на голову. Так он и стоял, когда рыбак открыл дверь и в каморку проник свет.

Хозяин отпрянул назад, словно его ударили, а Силас, не меняя положения, вошел на руках в кухню. Хозяйка с криком отскочила в дальний угол. Такого

чудища она еще никогда не видала. Чтобы из ее кладовки выполз такой вот живой узел!

Силас раскрутился назад, встал на ноги и низко поклонился.

— Добрый вечер, дамы и господа, добро пожаловать на вечернее представление!

Никто не отвечал, а Силас, воспользовавшись их замешательством, запустил руки в горшок с картошкой. Он увидел запрещающий жест хозяйки, но она перестала протестовать, когда Силас начал жонглировать картофелинами с такой быстротой, что она не могла разобрать, сколько штук он взял.

— Кто ты? — спросил рыбак, когда мальчик поймал все картофелины, а последнюю сунул в рот.

— Ведь ты слышал, — беспечно ответил Силас, — маленький человечек, который выходит из дерева, когда его никто не видит. Привет тебе от шпагоглотателя, — продолжал он атаку.

Надо было продержаться рыбака в ошарашенном состоянии, чтобы в случае чего успеть добежать до двери. При этом Силас умудрился с быстротой молнии проглотить всю картофелину.

— От кого? — недоверчиво спросил рыбак. Он не настолько потерял соображение, чтобы запросто позволить дурачить себя.

— От шпагоглотателя, — повторил Силас и отправил в рот еще одну картофелину.

— Мы такого не знаем, — разозлился рыбак.

— О... о... он... — Силас прожевал картофелину, — он ездит по всей стране в красно-желто-синем фургоне с разными замечательными людьми, которые умеют глотать огонь, прыгать на носу и тому подобное.

— А ты умеешь глотать огонь? — спросил рыбак, не зная, верить ему или нет.

— Я предпочитаю глотать картофелины, огнем не наешься.

— А прыгать на носу можешь?

— Увы! — Силас с сожалением развел руками. — Нос у меня не достаточно эластичный.

— А шпаги... Умеешь глотать шпаги?

— Запросто, — любезно ответил Силас.

Хозяин потянулся и взял со стола хлебный нож.

— А ну попробуй, докажи, что правду говоришь.

Силас взял нож двумя пальцами с гримасой отвращения, поглядел на него, неодобрительно покачал головой и положил обратно на стол.

— Это не шпага, нож слишком короткий, как, ты думаешь, я его потом достану из желудка?

— Так ты, стало быть, врешь? — с угрозой спросил рыбак.

— Моя мать может ходить по ниточке, — увернулся Силас.

— А я могу отделать тебя так, что живого места не останется, — пригрозил рыбак и шагнул к нему, замахнувшись.

Не говоря ни слова, Силас свернулся в клубок и быстро покатился под ноги рыбаку. Тот от неожиданности отскочил в сторону, но Силас повернул и катился опять на него, так что хозяину пришлось вспрыгнуть на скамью позади стола.

Хозяйка же забилась в угол и готова была вскочить на горячую плиту, если только он приблизится к ней.

Силас поднялся на ноги и поклонился. Увидев на сковороде рыбу, он бесцеремонно взял одну и запихал в рот.

— Я думаю, шпагоглотатель захочет купить Марию, — бросил он многозначительно, прислонившись к двери кладовки.

— Что? — воскликнули разом муж и жена. А сидевшая все время тихо как мышка Мария вздрогнула.

— Как это купить? Зачем?

— Вы за нее можете получить деньги, много денег, — заверил Силас. — Шпагоглотателю не хватает людей необычных.

— Да ведь она слепая.

— Понятно. Но ведь она слепая как-то необычно, в этом и есть ее ценность. Она просто будет обходить людей и искать свои глаза, — объяснил Силас, увидев, что они не понимают, что он имеет в виду.

— А зачем?

— Все увидят, что она потеряла их, и будут давать ей деньги, чтобы утешить ее.

— Деньги?

— Серебряные монеты, — уточнил Силас и вынул изо рта рыбную кость.

Мария поднялась и выбежала из дома.

Воздух в кухне как-то сразу странно сгустился.

— Где мне можно переночевать? — спросил Силас.

Муж и жена обменялись взглядами, и хозяин проводил мальчика на сеновал, который был устроен на чердаке пристройки.

Глава пятая Нож

Среди ночи Силас проснулся от ощущения, что где-то рядом что-то шевелится. «Ерунда, — подумал он, — наверно, это кошка подкарауливает мышь». Сначала этот слабый шум слышался у приставной лесенки, стоявшей внизу в хлеву, где содержалась кое-какая скотина рыбака, потом приблизился.

Мальчик лежал, прислушиваясь.

«Нет, это вроде бы не кошка, скорее человек, но зачем ему ходить крадучись среди ночи в крошечной тьме?» Силас лежал, не шевелясь. «Но раз я ничего не вижу, стало быть и тому, кто тут ходит, тоже ничего не разглядеть», — подумал он. Ему казалось, что он слышит чье-то тяжелое дыхание. Неужто это Мария? Может, слепые нюхом находят то, что им надо? Ведь она удрала из дому вечером, когда он предложил продать ее.

Верно, она ищет место, где ей переночевать, откуда ей знать, что он здесь спит. Да ей и не найти его здесь.

Но вот она дотронулась до него.

Силас лежал, не шелохнувшись, делая вид, что спит... ни к чему ее пугать. Против ожидания, она не отдернула руку, а начала шарить ощупью от его колена к груди. Прикосновения ее были такими легкими, что он бы ничего не почувствовал, если бы спал. Рука ее нашарила его рубашку, остановилась,

наткнувшись на конец флейты, торчавший из-за пояса, потрогала его. Может, она хочет украсть флейту?

Силас насторожился. Неужто она знает, что такое флейта? Неужто поняла, что он на ней играл в кладовке? Рука замерла, потом пальцы стали с любопытством ощупывать мундштук, ухватили его, потянули.

Тут Силас с силой схватил ее за запястье, Мария в страхе закричала, откинулась назад на сено и вырвалась.

— Воровка! — проворчал мальчик ей вслед, и она кубарем скатилась по лестнице вниз. Он засмеялся. До чего же она испугалась, больше не полезет. Успокоившись, он повернулся на бок и тут же заснул.

Рано утром его разбудила хозяйская лошадь, бившая нетерпеливо копытами в пол. Больше никаких звуков слышно не было, наверняка все еще спали. Но на дворе уже светило солнце. Его косые лучи проникали сквозь щели, и на сеновале стало почти светло.

Хозяйская лошадь внизу под ним так грохотала, словно хотела что-то от него. Поди, трусливая кляча, дряхлый, понурый одер, у которого бабки скрипят, стоит ей сделать шаг. Откуда такой семье взять стоящую лошадь?

Он сел и лениво потянулся.

Рядом с ним на сене лежал нож с длинным лезвием. Силас тупо уставился на него — нашли место, куда класть нож! Ведь он мог лечь на него. И тут он вдруг вспомнил, что это тот самый нож, который накануне вечером рыбак предлагал ему проглотить. Как он сюда попал? Неужто это... Мария? Значит, она пришла сюда ночью с ножом? При этой мысли по спине у Силаса пробежал холодок.

Стало быть, это она. Больше никому. Значит, она хотела убить его. Очень просто, вонзить в него нож или перерезать горло, пока он спал.

Ее рука дотянулась лишь до флейты.

«Это из-за того, что я предложил продать ее шпагоглотателю?» — проносились мысли у него в голове.

Он представил себе, что мог бы сейчас лежать здесь мертвый, и по спине у него побежали мурашки, он невольно огляделся по сторонам: не подкарауливает ли его кто опять. Подумать только, она сидела здесь в темноте, держа нож наготове, и шарила рукой по его телу, думая, что он спит...

Его спасла флейта.

Окончательно очнувшись от сна, он смотрел на нож широко раскрытыми глазами, потом осторожно взял его в руки. Какие превращения испытал этот нож! Вчера это был мирный хлеботор, лежавший на столе. Сегодня он стал кровожадным. Вчера рыбак велел Силасу проглотить этот нож. А ночью Мария, придя сюда, хотела перерезать им его горло. Ему ничего не оставалось, как взять себе этот нож, чтобы больше не подвергаться опасности.

Он решительным жестом засунул нож за пояс и спустился поглядеть на лошадь рыбака. Она оказалась вовсе не такой клячей, какой он ее себе представлял. Лошадь была небольшая, неопределенного темного цвета, с длинной челкой, падающей на глаза. Видно, резвая лошадка. Когда он спустился к ней, она замотала головой и захрапела. Силас подошел к яслям, чтобы почесать ей морду, но лошадь оскалила желтые зубы и потянулась к его пальцам, словно это были морковины.

— Полегче, старина, — ласково сказал Силас и взял лошадь за недоуздок, чтобы лучше рассмотреть ее зубы. Похоже было, что лошадь еще молодая и не знает, как вести себя в подобных случаях. Он с трудом заставил ее разинуть пасть, но ничего не увидел, потому что в ту же секунду горячая вонь гнилой рыбы обдала ему лицо.

— Фу! — вскрикнул мальчик и тут же отпустил недоуздок.

Они наверняка кормили ее рыбными отбросами, бедная лошадь только ими и питалась. Он понял, отчего коняга была такая беспокойная. Верно, в брюхе у нее крутился целый фейерверк.

И тут дверь в хлев отворила хозяйка.

— Ты заходил ночью в кухню? — спросила она.

Силас покачал головой.

— У меня нож пропал, хлеб нечем резать.

— А откуда мне знать, куда подевался твой нож? — Силас пристально посмотрел на нее.

— Да вот он, у тебя, — она показала на нож, заткнутый у него за ремень.

— Это вовсе не тот, его мне дала Мария.

— Ты сам его взял, — разозлилась она, — с какой это стати Марии давать тебе нож?

Силас пожал плечами.

— Она залезла ко мне наверх сегодня ночью.

— Ах ты враль окаянный! — закричала хозяйка. — Давай сюда нож.

Она шагнула было к яслям, где он стоял, но мальчику не хотелось еще раз испытать на своей шее силу ее железных пальцев.

— Стой где стоишь, — громко сказал он, приставляя лезвие ножа к горлу лошади, — подойдешь ближе, я прокалю дырку в твоей кляче.

Не в силах произнести ни слова, женщина замерла на месте, уставясь на него неподвижными покрасневшими глазами, словно курица, которую душат.

— Да ведь это мой нож, — прошипела она, когда снова смогла вздохнуть, — думаешь, я не узнала его?

— Позови Марию! — потребовал Силас.

— Говорила я, что ты бродяга. Давай сюда мой нож.

— Позови Марию, — повторил Силас и указал ножом на лошадь.

Хозяйка отступила назад к дверям и заорала «Мария!» так громко, что у него в ушах зазвенело.

Лошадь тоже забеспокоилась и стала мотать головой, словно хотела освободиться от чего-то, курицы, сидевшие на насесте в другой половине пристройки, слетели вниз, кудахтая и махая крыльями, а петух громко закукарекал.

Дверь кладовки открылась, и слепая нерешительно остановилась в проеме — что стряслось?

— Иди сюда, — завопила хозяйка, и через мгновение Мария оказалась рядом, словно ее рывком притянули с того места на это.

— Это ты подарила ему нож? — спросила мать тоном, не предвещающим ничего хорошего.

Мария покачала головой.

— Подарила? — крикнула мать, встряхнув ее за плечи.
— Нет, — ответила Мария побелевшими губами.
— А что ты делала сегодня ночью на чердаке? — спросил мальчик.
— Ничего.
— Я зарежу лошадь, если не скажешь, — пригрозил Силас.
— Хотела отрезать тебе голову, — процедила сквозь зубы Мария, ни жива ни мертва.
— Ну? — обратился мальчик к хозяйке. — Слыхала?
Женщина перевела взгляд с мальчика на Марию.
— Зови отца, — приказала она и вытолкнула девочку за дверь. — Да побыстрее!

Сама она осталась стоять перед дверью, чтобы не дать ему возможности убежать.

«Вот как, — подумал Силас, — они хотят меня поймать». Легко, как обезьяна, он поднялся по приставной лестнице и втянул ее за собой на чердачный сеновал.

Женщина, стоя внизу на полу, делала вид, будто ей все равно, есть он там или нет.

«Где-то тут должна быть дверца, — думал мальчик, — обычно сено заталкивают вилами на сеновал через фронтон». Он змеей скользнул вдоль крыши к фронтону, и в самом деле там оказалась дверца, как он и ожидал, но вполне понятно, она была закрыта на крючок снаружи. Силас принялся трясти ее, но безуспешно. Неужели его поймали? Он снова и снова тряс дверцу, пинал ее ногами, так что грохот раздавался по всему дому, но она была слишком крепкая. А внизу, в конюшне, над ним злорадно хохотала хозяйка. Она знала это заранее.

Нож. Силас вспомнил, что нож все еще заткнут у него за ремнем. Он без труда просунул лезвие ножа в щель, и крючок соскочил. Силас осторожно приоткрыл дверцу и выглянул наружу. Эта стена выходила на задворки, вокруг было пусто и тихо. «А теперь будьте здоровы, живите богато!» — подумал мальчик, соскользнул с крыши и прыгнул на землю.

На этот раз он не пошел к реке, а отправился искать проселок, соединявший деревню Эммануеля с другими прибрежными деревнями. Это была та же самая никудышная дорога, по которой он ехал от дома Бартолина, но на этот раз ему пришлось тащиться по ней пешком. Когда он пытался представить себе, что бы с ним сделали рыбак и его жена, если бы поймали его, от одной мысли об этом ему становилось не по себе.

Он прошел уже порядочное расстояние, когда услышал позади стук колес и копыт, но решил, что благоразумнее будет укрыться.

Кто его знает, может, это рыбак, взбешенный его бегством, надумал все-таки пуститься в погоню.

Силас отбежал от дороги, спрятался в кустах и стал ждать, не появится ли маленькая резвая лошадка рыбака и какая-нибудь разбита телега позади нее. Но, к своему удивлению, он увидел большой и нарядный возок, какой рыбак никак не мог иметь, да и человек, сидевший на козлах, тоже был совсем другого сорта. Он был меньше ростом, тщедушнее, и так важно восседал в двуколке, что Силас решил, что это, должно быть, торговец из города.

Едва повозка успела проехать мимо, как Силас помчался за ней и уцепился за задний борт. «Так-то будет быстрее». Теперь он мчался со скоростью в одну лошадиную силу. Возок грохотал по плохой дороге, и кучер ничего не замечал, он смотрел вперед, занятый своими мыслями.

На дне повозки, позади козел, стояло несколько тяжелых ящиков с замками, прочно окованных железом. На одном из них был крючок, чтобы удобнее носить. Точно, торговец или коммерсант какой. Позади ящиков в повозке было свободное место, и Силас решил, что ему лучше забраться туда и сидеть, чем бежать, уцепившись сзади. Задумано — сделано. В один миг он оказался между ящиками и задним бортиком, уселся поудобнее и стал наблюдать мелькавший по сторонам ландшафт.

Но вскоре все его внимание приковали большие ящики. «Что бы это могло храниться в них? Может, разные украшения, — думал он, — верно дорогие, вон ящики какие прочные и замки здоровенные». Силас вспоминал все красивые и дорогие вещи, какие ему доводилось видеть, и представлял, что такие же лежат и в этих ящиках. В них, поди, и одежда есть... Он оценивающе посмотрел на одежду кучера, непохожую на ту, какую носили крестьяне или рыбаки в этих краях. И пахла она иначе — господами и большим городом. Силас сразу же осознал свое плачевное положение.

С тех пор как он убежал от шпагоглотателя, он ни разу как следует не умылся, одежду он не снимал день и ночь, и выглядела она ужасно. Раньше он об этом не думал, но, глядя на человека, сидевшего на козлах, он почувствовал себя ужасно грязным и ему захотелось хорошенько вымыться.

Он задумчиво забавлялся с ящиками: гладил металл, поднимал тяжелые, истертые до блеска ручки. Внезапно на ухабе ручка ящика выскочила из руки Силаса и громыхнула о ящик.

Человек на козлах разом обернулся.

— Ты что здесь делаешь?

— Ничего, — вежливо ответил Силас. — Просто я решил прокатиться, а потом потрогал вот эту штуку, — он указал на ручку.

— Тебе что, по пути?

— Да, — ответил Силас и пояснил, что ему в ту же сторону и он решил сесть, раз тут есть место.

— У тебя выговор не такой, как у местных. Ты где живешь? — спросил человек, не спуская с него глаз.

— Нигде, — усмехнулся Силас.

Человек посмотрел на него с недоверием:

— Ты в самом деле нечаянно тронул ручку? — он смерил мальчика взглядом, вдруг увидел нож и застыл. — А где другие?

— Какие другие? — Силас не понял, о чем он говорил.

— Разве ты не собираешься выбросить этот ящик на дорогу? Думаешь, я не знаю, что ты за гусь? А ну-ка слезай.

— Так ведь я ничего не сделал, — запротестовал Силас.

— Пока еще не сделал, — человек бросал испуганные взгляды по сторонам. — Слава Богу, что мне еще не воткнули нож в спину. Слезай, тебе говорят.

В воздухе просвистел кнут, и на обеих руках мальчика выступила белая полоска, которая сразу же покраснела.

— Свинья городская, — взвыл Силас, — что я тебе сделал?

— А ну, вон отсюда! — истерически закричал торговец, и кнут опять засвистел в его руках.

Силас приподнялся и получил обжигающий удар по спине. Защищаться ему было нечем. И как раз, когда Силас уже собрался прыгнуть, торговец отвернулся и с силой хлестнул лошадь. Она понеслась. Силас потерял равновесие и уцепился за задний борт повозки, но торговец, видно, в самом деле думал, что ему надо спасти свою жизнь. Он снова огрел Силаса, и тот свалился на дорогу.

Торговец даже не оглянулся. Привстав, он яростно нахлестывал лошадь и вскоре скрылся, оставив облако желтой пыли.

Силас с трудом собрал силы и заставил свое горевшее от ударов тело приподняться и сесть. «Ну и скотина этот купец, — думал он, — если повстречаю его еще раз, отплачу». Он ругался и стонал, ощупывая себя, — не сломал ли чего. Лоб у него был рассечен, колени в таких ссадинах, что кровь сочилась на песок.

Посреди дороги лежал нож.

Превозмогая себя, Силас встал и, хромя, заковылял к реке. На одну ногу он еле ступал, так болело колено. Прохладная вода несколько успокоила боль, и мальчик стал промывать ранки и царапины от песка и грязи. Кое-где мелкие камушки так глубоко забились в ранки, что пришлось выковыривать их заточенной палочкой. При этом он от всего сердца желал, чтобы проклятому торговцу стало так же больно.

Рана на лбу кровоточила, а перевязать ее было нечем. Он решительно оторвал от рубашки один рукав, сложил его, прижал ко лбу и пошел, ковыляя, по берегу реки.

Глава шестая Деревенский пастух Хромой Годик

Около полудня Силас достиг деревни Эммануеля, но подходить слишком близко к ней не решился — важно было, чтобы никто его не увидел. Надо было дожждаться наступления темноты. Он вскарабкался вверх по склону, постоял немного, огляделся: пастбище, поодаль навес — видно, здесь укрывается пастух в плохую погоду, чтобы не терять стадо из виду. Еще дальше обработанные клочки земли, а за ними — дома. Все это выглядело мирно и обыденно, над головой со щебетаньем проносились ласточки, и Силас, довольный, что наконец близок к цели, вздохнул глубоко, полной грудью. Ему повезло, что в этот день скотина здесь не паслась, деревенское стадо рассыпалось по склону низкого холма на другой стороне деревни. Отсюда далеко. Силас решил забраться под пастуший навес на охапку старой соломы. Не то чтобы навес очень уж манил его уютом, но он устал и больному колену нужно было дать отдохнуть после злоключений на дороге. Кроме того, отсюда ему была видна вся окрестность до самой деревни, пояись что-нибудь подозрительное, он мог снова быстро податься к реке. Прежде чем улечься, он снова осмотрел свои болячки. Рана на

лбу почти перестала кровоточить, а на всех ссадинах, где кожа была содрана, выступила какая-то прозрачная жидкость. Но такое с ним бывало и раньше. Хуже всего пришлось колену, оставалось только надеяться, что он не разбил чашечку, ведь быстрота и ловкость были лучшей защитой от взрослых.

«Я же все-таки могу ступить на ногу», — подумал он и закрыл глаза, полный решимости не засыпать, что было опасно, а просто отдохнуть. В голове у него снова возникла картина: вот торговец едет мимо, он прыгает к нему в повозку. Торгаш, наверно, подумал, что это нападение или что-то в этом роде. Силас усмехнулся.

Когда он открыл глаза, день уже клонился к вечеру, видно было по солнцу; он понял, что все-таки заснул. На пастбище целой тучей мирно паслись коровы. Силас шарил глазами, ища пастуха, но как ни старался, не увидел человека, который бы пас стадо. Лишь вдалеке несколько крестьян обрабатывали землю мотыгой.

Может, пастух увидел его и побежал в деревню поднять тревогу и позвать на помощь? Силас приподнялся на локте и стал пристально вглядываться в сторону домов, чувствуя, как ломит занемевшее от лежания тело.

Внезапно он вздрогнул и потряс головой. Почти рядом с ним, прислонившись к задней стенке, поджав под себя ноги, сидел паренек. Несколько секунд они глядели друг на друга, потом Силас резко привстал.

— Не бойся, — сказал паренек, не делая никакой попытки удержать Силаса, — никто не знает, что ты здесь.

— Так я и поверил, — презрительно отвечал Силас, — ты остался тут караулить меня, а сейчас вся деревня примчится сюда опрометью.

— Нет, — возразил паренек, мотая головой.

— Если нет, тогда скажи, куда подевался пастух, если он не побежал звать на помощь?

Деревенский мальчишка помедлил в нерешительности.

— Да я и есть... пастух.

Силас бросил на него насмешливый взгляд.

— Ты?

Мальчишка был примерно его ровесником и ростом почти что с него, и Силас взвешивал в уме, стоит ли ему сейчас броситься на него, чтобы ударить первым, посильнее...

— У тебя рана на лбу, — сказал паренек.

— А тебе какое дело!

— Похоже, тебя кто-то вздул.

— Как бы тебя самого не вздули, — уклончиво пообещал Силас. — Я убил человека, его жену и троих детей, — мрачно заявил он. Ему не хотелось признаваться в том, как его избивали, какой он несчастный.

Мальчишка понимающе хохотнул:

— Разве это не тебя положили в старый челнок Пепе и отправили вниз по реке? В тот день, когда ты приехал на коне?

Силас не помнил, чтобы он видел этого мальчишку. Да где тут вспомнить, их было там так много.

— А ты знаешь, где конь?

- Да.
- Где?
- Не скажу.
- Скажешь.

Силас схватился за пояс, чтобы пригрозить мальчишке ножом. Ножа не было.

- Ты украл мой нож! — воскликнул он.
- Ясное дело, ведь ты спал.
- Это не значит, что тебе можно было взять его.
- Думаешь, мне хотелось, чтобы ты меня зарезал?
- Отдай нож.
- Я бы мог связать тебя, — сказал деревенский мальчишка.
- Отдай мой нож, — упорствовал Силас.
- Я бы мог отдать тебя Эммануэлю, — спокойно продолжал паренек, —

продать тебя ему.

- Отчего же не продал?

Мальчик пожал плечами.

- А для чего?
- Так ведь ты знал, кто я такой.

Силас не мог понять, почему этот мальчишка его не выдал.

— Ведь твоему отцу, наверно, тоже, как и другим, нужны деньги платить налог. С чего же иначе они просили об отсрочке?

— Мой отец умер, — ответил мальчик, и Силас по его голосу понял, что отец у него умер недавно.

— Мне приходится работать вместо него, ведь земли у нас нет почти что никакой.

Радости в его голосе не слышалось.

- У кого это «у нас»? Ненадолго наступило молчание.
- Почему ты не хочешь сказать, где мой конь?
- Успокойся, ты его больше никогда не увидишь.
- Откуда ты знаешь?
- Он заперт. Эммануэль запер его в конюшне и набил доски на окна.
- Тогда я уж точно его верну.

Силас бросил на паренька недружелюбный взгляд, но тот только покачал головой.

- Почему?
- Там Бартолин.
- Бартолин?
- Он приехал вчера. Живет у нас. Эммануэль не хочет показывать ему лошадь, говорит, что она вовсе не его.

— Ясное дело, не его.

— Так ведь ты сам сказал.

— Я все время говорил, что конь мой. Пастушонок засмеялся:

— Так ведь тебя никто не слушает. К тому же сегодня утром приехал купец коня торговать.

— В повозке? — быстро спросил Силас. Мальчик кивнул.

— У него еще несколько ящиков на заднем сиденье?

— У него еще магазин есть.

— Ага.

— Ты его знаешь?

— Да, я ехал с ним довольно долго. Паренек посмотрел на Силаса с сомнением.

— Дать тебе что-нибудь поесть, ты, поди, голодный?

— Да, я сегодня ничего не ел, — ответил Силас, почувствовав, что он в самом деле ужасно голоден.

Пастушонок порылся в соломе возле стенки и вытащил оттуда выцветший тряпочный мешочек, достал из него щербатую глиняную кринку, в которой лежал большущий кусок хлеба, и протянул ее Силасу. Тот разочарованно, не торопясь, взял миску. Разве это еда? Выглядит вовсе неаппетитно. Хлеб был сухой, потрескавшийся, стучал в кринке прямо как деревяшка. И этим хлебом его угощают?

— Его надо помочить в молоке, — сказал пастушонок, увидев недовольное лицо Силаса.

— А-а.

«Молоко», — подумал Силас, и вдруг отчетливо вспомнил, как он отнял молоко у Марии. Он не заметил, как деревенский мальчишка сунул два пальца в рот, низкий навес наполнился пронзительным свистом, свист полетел над пастбищем, коровы разом подняли головы и направились к пастуху.

— Бери кринку, пошли.

Они оба вышли из-под навеса, сделали несколько шагов и остановились, словно по команде, глядя друг на друга исподлобья.

— Ты это брось! — с угрозой потребовал пастушонок.

Силас толком не понял, что тот от него хочет, но заметил, что парень вроде бы тоже хромает.

Пастух посмотрел на него предостерегающе и пошел дальше, Силас, поколебавшись, последовал за ним. Не успели они пройти несколько метров, как парень резко повернулся и бросился на Силаса с такой силой, что они оба упали на землю. Силас не успел опомниться, как пастух уже сидел на нем верхом и тряс кулаками перед его носом.

— Передразниваешь меня?

Одна нога у парнишки была замотана тряпками, кусками кожи и не походила на нормальную ногу.

— Да что ты, у меня колено болит, — оправдывался Силас.

Парнишка презрительно засмеялся.

— Знаю я, все так говорят, когда я их ловлю, а после выходит, что у них ноги здоровые. Говорил тебе, перестань. Будешь дразниться, получишь взбучку.

— Только попробуй.

Пастушонок молчал. Силас продолжал лежать.

— Вставай, — наконец, скомандовал пастух, — не таковский я, чтобы дать себя передразнивать.

— Тогда мне придется идти на руках.

— Как это на руках? — нахмурился парень. Было ясно, что он сердит не на шутку, что смеяться над собой он никому не позволит.

- На руках, — повторил Силас и сел.
- На руках ходить невозможно.
- Если ты сам завирала, не значит, что и я вру.

Без лишних слов он поднял ноги вверх и пошел на руках, а деревенский мальчишка шел рядом с ним, прихрамывая.

— Как ты это делаешь? — с восторгом спросил он, совершенно забыв о том, что собирался драться.

— Хочешь не хочешь, а научишься, если жизнь заставит, — ответил Силас, продолжая идти на руках туда, где стояли коровы, передвигался он так довольно долго, потом опустил ноги и сел на траву.

— Можно мне сказать пару слов или ты сразу же разобьешь мне голову? Пастух смущенно улыбнулся.

— У меня в самом деле болит колено, спасибо этому проклятому торговцу.

— Я думал, ты дразнишься, — тихо сказал пастух.

— Да? А ты посмотри хорошенько, как меня отделали, — он показал царапины и ссадины на локтях. — Думаешь, это так, шуточки?

— Не-ет, — робко ответил деревенский мальчик.

— Он выкинул меня из повозки, когда лошадь мчалась вовсю.

— Торговец?

— Да, этот дурак. Он думал, что я его обманываю. Да и ты это думал.

— Так ведь меня всегда дразнят из-за этой ноги. Они вечно бегают за мной, скалят зубы и хромают. У меня нога вывернута в другую сторону, да это и не то чтобы настоящая нога. Я такой родился.

В голосе мальчика звучала горькая обида.

Силас покосился на обмотанную ногу пастуха.

— Но ты, по крайней мере, драться здорово умеешь, — утешил его Силас. — А как тебя зовут?

— Годик, — ответил мальчик и, помедлив немного, добавил: — Хромой Годик, у нас в деревне еще два Годика, но хромаю только я один.

— Ну, не полезешь опять драться из-за того, что я не могу ходить как следует? — спросил, поднимаясь на ноги, Силас.

Годик покачал головой.

— Нет, это совсем другое дело, — сказал он и подобрал с земли хлеб и миску, которые Силас уронил, падая.

Тем временем коровы собрались на одном конце пастбища. Хромой Годик оглядел их опытным пастушьим глазом. Одна корова стояла чуть поодаль от остальных, и пастуху явно захотелось показать чужому пареньку, что он тоже кое-что умеет. Он вытащил из кармана какую-то штуку, сделанную из палочек и шнурочка. Приглядевшись, Силас понял, что это рогатка. Из другого кармана Годик выудил маленький круглый камешек.

Бормоча какие-то заклинания, он вложил камешек в рогатку и прицелился в непослушное животное. И тут Силас увидел, как корова вдруг дрыгнула ногами и помчалась бешеным галопом, задрвав выгнутый дугой хвост. Хромой Годик снова свистнул, и после короткой пробежки по пастбищу посмеивая было послушаться корова забила в середину стада, как ей и было велено.

— Вот этому приходится Научиться, раз не умеешь быстро бегать, — небрежно сказал пастух и сунул рогатку в карман.

Силас кивнул, это он отлично понимал. Он снова бросил украдкой взгляд на ступню Хромого Годика — громоздкий куль на конце тонкой ноги. Потом он ощупал свое больное колено — вроде бы ничего, кроме ссадины. Хромой Годик следил за движениями его пальцев.

- Здорово болит? — спросил он.
- Пожалуй. Однако бывает хуже.
- Что бывает?
- Когда у человека нет глаз.

Хромой Годик вынул хлеб из миски, протянул его Силасу, а сам подошел к корове и, подставив одной рукой миску под вымя, другой надоил в нее из одного соска до половины пенистого теплого молока. Наступило молчание. Над пастбищем пели жаворонки, на другом берегу реки солнце опускалось к горизонту. Силас задумался, ему казалось, что он ужасно давно убежал от шпагоглотателя Филлипа, столько всякого всего успело произойти за это время.

— Ты видел ее? — спросил Годик, вернувшись с молоком.

— Да, — ответил Силас, понимая, что тот говорит о Марии. — Она чуть не отрезала мне голову, — добавил он и рассказал, как, проснувшись, нашел нож рыбака на сене рядом с собой.

— Почему же тогда не отрезала? — спросил Годик и показал Силасу, как нужно макать хлеб в теплое молоко.

— Потому что она тут же вздумала украсть у меня флейту, а я без нее оставаться не захотел.

— А без головы остаться хотел? — засмеялся Хромой Годик.

— Так ведь я нож-то увидел только утром, когда рассвело.

— А что это за флейта, настоящая?

Силас немного помедлил с ответом. Он пошел назад, к навесу, осторожно неся перед собой миску с молоком, в котором черным островом плавал хлеб.

— Флейта как флейта, она у меня давно.

— Ты хочешь стать спеллеманом^[921]?

— Да нет, просто так играю. Тебе оставить? — он указал кивком на молоко.

Годик ожесточенно покачал головой.

— Я могу после напиться, — он показал на коров, — а хлеба я могу поесть дома. Бартолин платит за то, что квартирует у нас.

Силас успокоенно и с аппетитом стал снова с бульканьем втягивать в рот молоко, а черный хлеб, к большому его удивлению, оказался гораздо вкуснее, чем он ожидал.

— Где ты будешь ночевать сегодня ночью? — спросил Годик без обиняков.

Силас пожал плечами:

— Нигде. Как стемнеет, пойду в деревню за своей лошастью.

— Фу! — Годик презрительно фыркнул. — Можешь не трудиться зря. До завтрашнего утра она будет заперта, а утром ее продадут. В первый день купец и Эммануэль только и знали, что ели и пили, а завтра утром купец откроет свои ящики и будет торговать, так в каждый его приезд. Когда же он уедет, кто-нибудь обязательно хватится, что его надули.

— А что у него в ящиках? — любопытствовал Силас, вспомнив, что они окованы толстым железом. — Видно, дорогие вещи.

— Всякая всячина.

— Золото?

— Ты что, рехнулся? Материя и прочее барахло: шали, бисерные бусы, кастрюли...

Силас почувствовал себя несколько разочарованным. А он-то думал, что в этих больших необыкновенных ящиках хранится что-то драгоценное.

— Ас какой стати он станет покупать лошадь, раз он торгует товаром?

— А он еще и лошадей скупает, овец, поросят и кур тоже. А после все с выгодой перепродает. Оттого-то Бартолин и позеленел от злости, узнав, что торговец приедет.

— Да, но ведь лошадь-то моя, — возразил Силас.

— Тебя в счет не берут. Со мной вот так же было, когда я пришел к кузнецу и спросил, не возьмет ли он меня в ученики. Тогда как раз умер мой отец и я решил, что надо помогать матери, выучиться ремеслу, ведь земли у нас почти что нет. А кузнец уставился на меня, словно я спятил. «Тебя в ученики? — закричал. — Это с такой-то ногой? Паси лучше коров, как твой отец». У кузнеца столько же коров, как у всей деревни, и земли почти столько же. А когда я пошел к резчику по дереву, он хотел взять меня в подмастерье, тогда все в деревне озлились, мол, кто же будет коров пасти? Кому еще охота сидеть тут одному целый день напролет!

В голосе его звенела обида, это Силас еще раньше заметил.

— Я им все равно что раб. Откажись я, мать и братишки с сестрами помрут с голоду. Вот и тебе не отдадут твою лошадь, — добавил он, стиснув зубы.

Силас посмотрел на него с недоумением, но тут Хромой Годик положил ему предостерегающе руку на плечо.

— Сюда, быстро, кто-то идет за коровами. Ведь я припозднился.

Он, согнувшись, выскользнул из-под навеса и юркнул в какие-то колючие кусты, Силас за ним. Берег реки постепенно повышался, и чем выше они поднимались, тем гуще был кустарник, ветки противно цеплялись за одежду, царапали кожу. Силас не мог понять, зачем им нужно так далеко взбираться, но Хромой Годик все бежал и бежал, уверенно петляя между кустами, где не было ни дорожки, ни тропинки.

Постепенно в подлеске стали появляться редкие деревья с раскидистыми кронами, хотя лесом их нельзя было назвать. Лишь когда они поднялись на самый верх, пастух остановился и указал на одно из больших деревьев. Оно стояло на самом краю, так что с одной стороны его корни висели в воздухе над крутым склоном.

— Лезь сюда, — Годик показал на пространство под нависшей сетью корней, — я приду ночью, — и исчез.

Силас постоял, собираясь с мыслями, потом нагнулся и поглядел вниз. Склон был крутой, далеко внизу текла река. Лишь наверху за крутой откос цеплялись чахлые кусты.

«Вот те на, — подумал мальчик, — здесь к реке не спуститься, зачем он меня сюда привел?»

С пастбища доносилось медленное мычание коров, резкий свист пастуха, время от времени можно было уловить чьи-то голоса.

Силас снова бросил взгляд на крутой обрыв. Да, можно посидеть под корнями, пока они не уведут коров. Он осторожно соскользнул вниз и задержался у колючих кустов. Не очень-то уютное место и здесь ему придется просидеть долго! Он огляделся вокруг, чтобы устроиться понадежнее, и тут только заметил под корнями дерева лаз в пещеру и понял, что пастух имел в виду.

Не мешкая, Силас нырнул под навес из корней. Еле протиснувшись через узкий лаз, он оказался в низком, но довольно широком пространстве, где можно было свободно сидеть. Над головой у него была густая сеть корней разной толщины, а под ним — мох, сухая трава и стружка. Здесь было тепло и сухо. Силас лег на живот и глядел наружу через входное отверстие. Отсюда открывался прекрасный вид на реку и противоположный берег. Странно было думать, что он проходил там внизу в полдень. Может, Хромой Годик еще сидит там и следит за ним?

Внезапно Силас замер. Ему показалось, что что-то шевельнулось в темноте позади него. Он быстро поджал ноги, и как раз вовремя, иначе целый штабель деревянной посуды обрушился бы на него. Миски, блюда, ложки и прочая утварь с грохотом повалились на пол. Здесь были готовые изделия и заготовки — тяжелые деревянные чурки.

С минуту Силас сидел не двигаясь, в недоумении уставясь на все это хозяйство. Откуда все это взялось? Этой посуды хватило бы чуть ли не на целую деревню.

Потом он начал собирать всю эту утварь и ставить одну посудину на другую, как они, наверное, и стояли. Он догадался теперь, откуда здесь стружка на полу. Посуду вырезал пастух. Ведь он сам рассказывал, что хотел пойти в ученье к резчику по дереву. Силас поставил все эти плоские в штабель у задней стены, ведь здесь они и стояли, пока он не толкнул их ногами. Затем он улегся и стал ждать Хромого Годика.

Глава седьмая Разбойники с большой дороги

Пастух пришел к пещере на берегу поздним вечером, когда уже совсем стемнело. Еще на расстоянии Силас услышал шаги наверху, но продолжал лежать, не шевелясь, пока не убедился, что это Хромой Годик. Когда пастух протиснулся сквозь лаз в пещеру, Силас сел и стал выспрашивать, что творится в деревне и что слышно про его коня.

— Он все еще там? — с волнением спросил он.

— Вся деревня взбудоражена, — небрежно бросил пастух, усаживаясь поудобнее.

Силас тут же с огорчением и гордостью представил себе, как в этой деревне только и делают, что судачат про чудесного коня, которого он к ним привел, гадают, чем же это дело кончится. Ведь конь-то еще не продан.

— Он еще не купил его? — испуганно спросил Силас и тут же представил себе своего коня привязанным к заднему откидному борту трясущейся повозки.

— Кто? — рассеянно спросил Хромой Годик, и Силас услышал, как он искал что-то у себя в карманах.

— Ясное дело, торговец.

— А... ты про коня? — похоже было, что пастух нашел то, что искал.

— Успокойся. Между прочим, сейчас про это никто не говорит, — по голосу Годика ясно было, что у него новости поважнее.

— А почему? — спросил Силас, сразу предположив худое — вдруг конь сдох или еще что с ним приключилось.

Хромой Годик зажег огарок свечи и поставил его за корнем у земляной стены. Теперь они могли видеть друг друга, и Силас с тревогой всматривался в лицо пастуха. Ему казалось, что Годик неспроста слишком долго тянет с ответом.

Но на его лице нельзя было ничего прочесть.

— А о чем они говорят? — нетерпеливо спросил Силас.

— О разбойниках.

Годик словно выстрелил эти два слова. Главное, считал он, это уметь сообщить самую суть, а уж потом можно позволить себе расписывать и отдельные подробности.

— О разбойниках?

Мысли в голове Силаса стали путаться, перебивая друг друга.

— Что это еще за разбойники?

— Разбойники с большой дороги, они опять шалят. Снова начали.

В голосе Годика явно слышалось торжество. С деланным безразличием он снял ремень с большой ноги и перевязал ее потуже.

— Что начали? — спросил Силас, не понимая толком в чем дело. Ведь никаких разбойников давно уже больше не было. Заправдашних.

— Людей убивать, ясное дело, и грабить. Ты что, не знаешь, что такое разбой на большой дороге? Как в старые времена.

Силас не знал, что и подумать.

— Это что же, с ружьями и саблями?

Пастух кивнул, глаза его блестели.

— А кого убили?

— Пока еще никого.

— Кого ограбили?

— Никого.

— Так в чем же дело?

— А в том, что торговца чуть не убили и не ограбили, — почти прошептал Годик.

— Как это? — Силас тоже невольно понизил голос.

— Они напали на него по дороге к нам.

Годик начал пересказывать то, что слышал в деревне. Как торговец примчался в деревню, чуть не загнав лошадь, с побелевшим лицом, дрожа всем телом. Как людям пришлось снять его с повозки и чуть ли не на руках занести в дом к Эммануэлю.

Глядя на него, все поняли, что стряслась какая-то беда. У его лошади глаза были совершенно ошалелые, морда покрыта пеной, и если бы ее не схватили под

уздцы, она помчалась бы дальше. И все оттого, что за торговцем по пятам гналась целая разбойничья банда.

— А ты веришь этому? — усомнился Силас.

— Так ведь он сам рассказывал.

— И он их видел?

— А то как же, один даже к нему в повозку забрался.

— Один?

— Остальные, их было полным-полно, караулили в кустах по обе стороны дороги.

— И он сам это сказал?

— Да, ты бы видел его, — заверил Хромой Годик, — он на ногах не стоял и не успокоился, пока к нему в комнату не принесли оба сундука. А в деревне все были так напуганы, что не спали всю ночь.

Силас расхохотался.

— Ну и заяц! Ну и трус! — веселился он. — Ой, господи!

— Кто? — спросил пастух, немного обиженный.

— Ясное дело, торговец.

— Так ведь за его спиной стоял парень с ножом, он чудом остался жить.

— Ничего бы с ним не случилось.

— Откуда тебе знать!

— Да этот торговец просто тупорылая свинья, ему жаль подвезти честного человека. А про разбойников он все наврал.

— Кто тебе сказал?

— Да ведь это я забрался к нему в повозку. Ведь я же тебе рассказывал, что он выкинул меня на полном ходу.

При колеблющемся свете свечи глаза Хромого Годика показались Силасу особенно растерянными.

— Я думал, ты просто так сказал. А ты что, был вместе с разбойниками?

— Моим словам ты не веришь, а что бы этот паршивый толстосум ни сказал, все, по-твоему, правда? — рассердился Силас.

Пастух опустил глаза и помолчал немного.

— А для чего ты хотел убить его?

— Вовсе и не собирался!

— А он говорит, ты держал нож в руке.

Силас вздохнул.

— Поверишь ты, если я скажу, что вовсе не стоял с ножом в руке? Я сидел сзади, а нож у меня был вот здесь, — он указал на ремень, — а торговец до того испугался, увидев меня, что начал хлестать меня кнутом, покуда я не свалился. Гляди сам.

Силас протянул руки, на которых следы рубца уже посинели.

— А теперь все думают, — сказал Годик, немного помолчав, — что вокруг полно разбойников и что они ждут удобного случая ограбить деревню.

— Пускай себе думают, — засмеялся Силас. — А что сказал Бартолин?

— Он не знает, что ему делать: оставаться тут или ехать домой и защищать свою конюшню.

— Уж он-то поедет домой, — сказал Силас.

— И откажется от вороного жеребца? Да ни за что на свете. Он слишком жадный до денег.

Видно, Хромой Годик был не очень-то высокого мнения о постояльце своей матери. Силас спросил, где у них в деревне торгуют лошадьми.

— На улице, у нас всем торгуют на улице, ведь площади у нас нет.

— Я должен пойти туда, — решительно сказал мальчик.

Хромой Годик испытующе посмотрел на него:

— Что ты задумал?

— Еще сам не знаю.

— Если заберешься на дерево, то оттуда все увидишь, но самому тебе не забраться, внизу нет веток.

— Что там за дерево?

— Большой каштан возле нашего дома, наискосок от дома Эммануеля. Это наше дерево.

Силас долго думал, потом кивнул.

— Только ты должен будешь забраться на него до рассвета, — продолжал Годик, — когда начнут выгонять коров, будет уже поздно.

Силас обещал прийти вовремя, а Хромой Годик пополз на четвереньках к задней стенке, где стояли деревянные доски, сунул руку в дырочку в стене и достал пригоршню обрезков кожи, таких же, какими он обвязывал ногу, только не разрезанных на ремешки. Он разложил обрезки на полу и выбрал блестящий кусочек гладкого черного меха.

— Это мех нутрии, — сказал он. И Силас по его тону понял, что мех нутрии — это что-то особенное.

— Этот мех мне летом иногда дает Арон, — добавил Годик.

Он пошарил рукой в темном углу по сухой траве и достал хлебный нож рыбака. Потом, не говоря ни слова, обернул нож мехом, разрезал его на две полоски, проделал по краям дырочки и пришил полоски одну к другой.

— Возьми, — сказал он и протянул нож в кожаном чехле Силасу, — махать у людей под носом этой штукой слишком опасно.

— Спасибо, — только и мог промолвить Силас, отдарить ему было нечем. В верхней части длинного мехового мешочка было отверстие, в которое он продел ремень.

— А что ты с этим будешь делать? — спросил он Годика, указывая на деревянные миски, которые он недавно ухитрился уронить на пол.

— Продам.

— Торговцу?

— Он не покупает деревянную утварь, — сказал Годик, уверенный, что один и тот же человек не может торговать и деревянными досками и медными кастрюлями.

— А кому же тогда?

Годик немного помедлил с ответом:

— Резчик продает их и часть денег оставляет себе, — сказал пастух. — Он такой старый, что сам уже много не наработает. Ведь это он выучил меня резать, и заготовки он для меня пилит.

А деревенским это ни к чему знать, а то скажут, будто я плохо гляжу за их коровами.

— Стало быть, ты все же выучился у него мастерству, — порадовался за него Силас. И тут же подумал, что все же Годик сам, а не взрослые, решает, чем ему заняться. Годик не бросил все, как он, не убежал, стал делать то, что ему предложили, а в тайне занялся делом, какое ему по душе. Кто же из них поступил правильнее?

Но ведь у Хромого Годика мать, которой не на что жить, оправдывался он перед собой, и маленькие братишки и сестренки.

А Силас сам по себе, его мать... да, но ведь у нее есть Филлип, к тому же она умеет ходить по канату. Бедной ее не назовешь. Во всяком случае она не такая бедная, как мать Хромого Годика.

И все же эти мысли оставили неприятный осадок у него на душе.

— Стало быть, завтра утром у каштана, незадолго до рассвета, — напомнил Годик, собираясь уходить.

— Ладно, — ответил Силас.

И Хромой Годик выполз из пещерки и исчез.

Чуть погодя пламя свечи вдруг ярко вспыхнуло и затрепетало. Силас сидел и смотрел, как свечное сало стекает по корню, капает на стену и застывает, потом стена как бы опрокинулась на него, и он окунулся в густую, непроглядную тьму.

Но в эту ночь Силас решил не спать. Еще задолго до рассвета он отправился в деревню. Он долго простоял, прислонившись к мощному стволу каштана, как и было условлено, прежде чем появился заспанный Хромой Годик. Не говоря ни слова, Годик помог ему влезть на дерево и снова исчез в доме, заперев за собой дверь.

Дерево было в самом деле огромное и тенистое, каким он и представлял себе его. С одной стороны его ветви опускались густым навесом над дорогой, а с другой — нависали над крышей дома, где жил Хромой Годик. «Значит, Бартолин тоже сейчас в этом доме», — подумал Силас и перебрался с одной ветки на другую, чтобы устроиться поудобнее и хорошенько видеть все, что будет происходить внизу. На нижних ветвях сидеть было нельзя, его могли увидеть раньше времени.

На востоке заалело небо, поднималось солнце, озябший Силас то и дело передергивал плечами — здесь наверху воздух был прохладнее, к тому же у рубашки был оторван один рукав, неудивительно, что он замерз.

«Хорошо хоть колено теперь болит меньше, — подумал Силас, — сильно болит только поначалу, когда после отдыха опять заставляешь его работать».

Вот на улице снова появился Хромой Годик, теперь он тянул за собой на веревке единственную корову своей матери и уже не выглядел сонным. Силас тихонечко дунул в флейту, приветствуя его, но пастух и виду не подал, что знает, кто сидит на верхушке дерева. Корова вытянула шею и замычала, ее мычанье, громко прозвучавшее в утреннем воздухе, послужило сигналом, которого ждала вся деревня. Женщины и дети стали выводить коров из всех домов. Одни вели несколько коров, другие одну-две, некоторые вели первую корову за рог, другие тянули ее на веревке.

На улице коров выпускали, и они, почувствовав свободу, важно выступали, по привычке собираясь в стадо. Необычным было лишь то, что женщины не торопились сразу в дом, а сбивались в кучки и судачили потихоньку. В это тихое утро улица наполнилась не только стуком коровьих копыт, но и звуками женских голосов. Силас не мог разобрать, о чем шла речь, без сомнения о чем-то важном, потому что голоса женщин, провожавших коров на выгон, звучали явно озабоченно. Лицо Терезы, жены Эммануеля, при слабом утреннем свете казалось испуганным.

Позади стада хромал Годик с тонкой палкой в руке. Он, конечно, надеялся получить выходной в этот день, остаться в деревне, думал Силас, глядя, как Годик исчезает из виду вместе с коровами. Ясное дело, ему хотелось бы увидеть, что будет происходить в деревне, а не сидеть на пастбище под навесом целый день.

Как только скотину проводили на выгон, из домов и пристроек стало выходить мужское население деревни с вилами, граблями и прочим инструментом. Они были слишком бедны, чтобы посвятить целый день конской ярмарке и сундуку торговца, и хотели поработать до того, как в деревне начнет что-то происходить. Если, как сказал Хромой Годик, торговец и Эммануэль в первый день в самом деле только ели и пили, рано они вряд ли встанут.

Нищие одежды мужчин, их сутулые спины, изможденные лица — все говорило о том, что они привыкли надрываться на тяжелой работе с утра до ночи. Нельзя сказать, что они выглядели спокойными, суматоха, которую поднял торговец, ворвавшись в деревню, его страшный рассказ встревожили их. Силас понял это, видя, как они осматривали свой инструмент, задумчиво взвешивали его на руке, пробовали большим пальцем острие мотыги и, одобрительно кивнув, без лишних слов отправлялись по своим делам.

Но Силаса мало интересовало то, что происходило на улице. Сидя почти что над крышей дома Эммануеля, он мог видеть часть конюшни, где стоял его конь. Странно, что он все еще стоял там.

Из дома Хромого Годика доносились голоса. Силас лег на толстую ветку и прислушался: говорил барышник Бартолин, а женский голос был, верно, матери Годика. Ясно было, что они о чем-то спорили.

Вскоре дверь распахнулась и на двор выбежала женщина с высоким аккуратным деревянным ведром под мышкой, за ней по пятам шел Бартолин.

- И слушать не хочу об этом, — сердито сказала она.
- Но ведь, Юанна, — уговаривал ее Бартолин.
- Если еще станешь говорить об этом, лучше съезжай из моего дома.
- А о деньгах ты подумала?
- Мне хватит и тех, что ты заплатишь за постой.
- Так ведь, Юанна, неужто ты не можешь понять...

Бартолин беспомощно взмахнул руками и снова уронил их, а женщина по имени Юанна быстро подняла ведро на голову, повернулась к Бартолину спиной, не удостоив его ответом. Гордо, не глядя по сторонам, она быстрым шагом пошла по улице.

Бартолин, стоя под деревом, долго глядел ей вслед, цедя сквозь зубы непристойные ругательства.

«Небось, не ругался, пока мать Хромого Годика могла услышать,» — подумал Силас, сидя на ветке.

— Ха-ха-ха! — злорадно заржал кто-то поблизости, и оба разом — Бартолин на земле и Силас на ветке — повернули в ту сторону голову. Ни тот ни другой не заметили, как дверь соседнего дома отворилась.

— Видно, она не хочет, чтобы было по-твоему! — продолжал злорадствовать голос.

В дверях стоял трясущийся старик, одной рукой он держался за косяк, другой — опирался на палку.

«Резчик, — подумал Силас. — Тот, кто втихаря помогает Годика».

Бартолин что-то зло пробормотал, а старик в дверях, не скрывая, ликовал, задрал кверху кончик седой бороденки.

— И чего же это она не хочет? — смеялся он.

— Заткнись лучше, Петрус, — прорычал Бартолин, снова устремляя взгляд на мать Хромого Годика, которая удалялась в сторону колодца.

Резчик вышел из тени на солнышко, шагая на негнущихся ногах, чтобы поглядеть, что творится на улице.

— Если ты думаешь, что она тебя предпочтет, старая тренога, то ошибаешься, — злился Бартолин.

Силас смотрел попеременно то на седые взлохмаченные волосы, то на улицу, где появился еще один человек. Как только Юанна прошла мимо его дома, он вышел на улицу, увешанный длинными сетками, и довольно бесцеремонно пошел рядом с женщиной, несущей ведро.

Тут старик снова разразился безудержным смехом.

— Ха-ха-ха! А вот и охотник за нутриями появился! — издевался он. — Что ты скажешь о нем?

— Заткнись, Петрус.

«Охотник за нутриями, — подумал Силас и внимательно посмотрел вслед этому человеку, — тот самый, что дает мех Хромому Годика, мех, из которого Годик сделал мне чехол для ножа. Похоже, у него у самого на голове шапка из этого гладкого меха».

— Мне, что ли, решать, за кого пойдет Юанна? — обиделся резчик. — Не моя вина, коли Арон ей милее, чем ты.

И старик уселся на шаткий соломенный стул у стены дома.

— Шлюха! — пробормотал Бартолин сквозь зубы, когда пара скрылась за поворотом.

— Она мне приносит поесть, когда у нее водится еда, — сказал Петрус, потрянув седой бороденкой в сторону Бартолина.

— Так ты ноешь, поди, каждый день, все уши ей прожужжал. А скажи-ка, что есть у этого задрипанного охотника, чего нет у меня? Глянь-ка на его дом, это не дом, а землянка. Осевший, покосившийся.

— Ха! — возразил Петрус, — может, она и не думает переселяться к нему. Я слышал, они собираются обзавестись хорошей мебелью, — добавил он, помолчав.

Бартолин в ярости повернулся к нему.

— Заткнись, тебе говорят, старый козел, думаешь, я не знаю, отчего ты за нее заступаешься. Она твой клочок земли обрабатывает.

— Я плачу ей честно заработанными деньгами, — взвыл обиженный резчик тоненьким голоском.

— А я? — проревел разгневанный Бартолин.

— Ты? — пропищал Петрус. — Ты платишь деньгами, которые выманил у других.

Еще несколько женщин с кувшинами и ведрами пошли к колодцу, они оборачивались на ссорившихся, не сбавляя шага, только ребятишки выстроились рядом и слушали перебранку. Первыми вышли из дома Юанны младшие братья и сестренки Хромого Годика. Силас внимательно оглядел их, они были похожи на остальных деревенских ребятишек, и ноги у них были как ноги.

Бартолин с угрозой приблизился к Петрусу, сидевшему на соломенном стуле, но старик был не из тех, кого можно легко заставить закрыть рот, когда он вошел в раж.

— А что, если у охотника тоже есть деньги? — спросил он с невинным видом.

— Ни черта у него нет. Кроме вшей.

— А вдруг все-таки есть? — возразил старик подозрительно елеинным тоном. Бартолин удивился, этого он никак не мог подумать.

— Нет у него ничего, — проворчал он.

Петрус ослабил.

Юанна все не появлялась.

— Что это она не возвращается? — с досадой спросил Бартолин.

— А чего ей спешить? Может, они на бережку ловушки ставят, — предположил, злорадно улыбаясь, старик. — Или его деньги считают.

Он потер свою впалую грудь.

И вдруг издали донеслись крики работавших в поле мужиков. Силас первый услышал эти крики, Бартолин с Петрусом тоже услышали и уставились друг на друга. Ребятишки вытаращили глаза.

— Что это? Что там стряслось?

Силас, сидя на дереве, видел, как мужики спешат домой, собираясь в кучки на дороге, как от них отделились двое, один побежал к деревне, другой на выгон, где паслись коровы. Не успел он добежать до стада, как Хромой Годик подал свистком сигнал. Скотина забегала, и Силас понял, что Годик проворно пустил в ход рогатку.

Через минуту мирно пасущееся стадо превратилось в бешеное скопище, несущееся по дороге к дому.

Мальчишка-подросток, которого послали предупредить народ, еще на расстоянии стал кричать:

— Иду-у-т! Они иду-т!

Женщины и дети столпились под деревом, на котором сидел Силас.

— Что он говорит? Что это он сказал? — спросил старый резчик, приставя руку к уху и повернув его в сторону крика.

Ответа не последовало. Бартолин, растолкав женщин, тяжело потрусил в сторону колодца.

Новость о приближающейся опасности облетела все дома, и всяк, кто мог двигаться, выбежал на улицу.

— Они идут! И...дут! — неслось отовсюду.

— Кто идет?

— Идут, идут!

— Наши мужики?

— Грабители!

— А как же наши коровы?

— Идут! Идут!

«Грабители? — подумал Силас. — Тут что-то не так, что они еще выдумали?»
Ведь грабитель-то был один, он сам.

— О, господи, — стонали женщины, ломая руки и пытаясь загнать ребятишек в дома. Но все было напрасно, казалось, дома снова выталкивали их на улицу.

— Где ребятишки? — первым делом спросила Юанна, когда она, шурша юбками и выплескивая на себя воду, вернулась вместе с Бартолином.

— Где мои дети? Ты позаботился о них?

— Так ведь я не могу быть в двух местах разом, — оправдывался Бартолин, но увидев, что возле Петруса стоят две маленькие дочки Юанны, смущенно опустил голову.

На другой стороне улицы показался Эммануель, встревоженный громкими криками. Он не успел как следует одеться и на ходу пытался запихнуть рубаху в брюки, спрашивая, что приключилось.

— Они едут! — заорал торговец у него над ухом.

— Я так и знал, что они заявятся. — Эммануель так и не успел привести себя в порядок и стоял, растерянно разводя руками, на ступеньке крыльца в длинной ночной рубахе, словно какой-то пророк.

Силас видел, как он махал руками, как шевелился его рот, но слов его никто разобрать не мог, они тонули в ужасном гаме.

И тут коровы Хромого Годика хлынули потоком на деревенскую улицу, растекаясь между домами и сметая все на своем пути. Так скотина еще никогда не возвращалась домой. Обычно смирные, животные неслись, подгоняемые кнутом, выкатив ошалело глаза и задрвав хвосты тугим крючком, а позади стада на них напирал пастух, подпрыгивая и покачиваясь, одержимый одной мыслью — вовремя поспеть домой. Дети и женщины бросились врассыпную, торговца, плавно размахивающего, как пророк, руками, затолкали обратно в дом Эммануеля, а собаки со всей деревни бросились сюда с оглушительным лаем.

Силас смотрел сверху на всю эту суматоху с предчувствием худого. Стало быть, разбойники в самом деле были, речь шла не только о нем. Он осторожно привстал и ужом пополз выше, подстрекаемый любопытством.

Вернувшиеся с поля мужики начали под руководством Эммануеля таскать тяжелые предметы к началу улицы. Все, что было под рукой: тележки, плуги, длинные шесты, целая коллекция тачек, грязных, замызганных коровьим навозом, — все это нагромодили в беспорядке поперек дороги.

Женщины и подростки пытались отловить между домами своих коров, которые совершенно ошалели от такого грубого обращения, и успокоить их было нелегко.

Глаза Силаса различили впереди на дороге какие-то две большие темные точки, двигавшиеся с одинаковой скоростью. Это были повозки, он был уверен, но не обычные крестьянские повозки. Сощурившись, он уставился на дорогу. Он все смотрел и смотрел, не веря своим глазам, не замечая, что у него от удивления даже рот приоткрылся. В конце концов он начал смеяться. Ему пришлось сильно прижаться животом к ветке, чтобы не расхохотаться вслух.

Крестьяне, стоявшие внизу, под ним, теперь тоже слышали мерный стук колес, они прекратили суетиться и стояли будто парализованные, не двигаясь. Мужики заняли оборону в канавах, вырытых по обе стороны баррикады, тараща глаза на дорогу и выставив вперед вилы и рогатины.

«Сейчас они увидят, что это за разбойники, с которыми они собрались воевать не на жизнь, а на смерть», — подумал Силас и спустился чуть ниже, чтобы получше видеть, что же будет дальше и что скажет Филлип, увидев, какой ему оказывают прием.

Когда первая повозка остановилась перед заграждением, у шпагоглотателя, как Силас и ожидал, было довольно странное выражение лица. Он переводил взгляд с нагроможденных на дороге телег на насупившихся крестьян, сидевших в канаве, а храбрые воины с угрозой глядели на него, не двигаясь. Тут из ковбойской повозки, стоявшей позади, вылез Карло и подошел узнать, что такое стряслось.

— Как ты думаешь, чего это они тут засели? — спросил Филлип.

— Кто их знает! — отвечал Карло, почесав затылок.

— Уж не нас ли они боятся?

— Похоже на то, — согласился Карло.

Дверца размалеванного фургона отворилась, и появилась Ани-на в костюме канатной плясуньи. Она беззастенчиво взгромоздилась на козлы рядом с Филлипом и смотрела оттуда на странное заграждение на дороге.

— Что они тут делают? — удивилась она, показывая на крестьян сложенным зонтиком.

— Черт их знает, — прорычал Филлип. — Ну и компания!

— Не скажешь, что симпатичная, — с гримасой сказала Анина.

Сидевшие в канаве земледельцы пялили глаза на канатную плясунью как на что-то несусветное.

— Раз они такие противные, мы назад не повернем, — решила Анина, вдоволь наглядевшись на это зрелище.

Силас затаил дыхание. Неужели они наедут на деревенских!

Тут его взгляд упал на Бартолина, который стоял перед повозкой, широко расставив ноги.

— Ты шпагоглотатель Филлип? — спросил он громовым голосом.

Люди в канаве зашептались.

— Да, — ответил Филлип, выпрямляясь.

— А где мальчишка, тот, что украл у меня лошадь?

— Откуда мне знать. Какой еще мальчишка?

— Которого ты учил глотать шпаги. Он должен быть свидетелем.

— Свидетелем чего? — Видно было, что Филлип вот-вот расхохочется, глядя, как важно и торжественно выступает Бартолин.

— Того, что эта лошадь моя.
— Какая лошадь?
— Ту, которую он у меня украл.
— Откуда ты знаешь, что это он украл?
— Да он сам это сказал.
— Вот как? А где же эта лошадь?
— Да вот он ее запер, — и он с укором показал на Эммануеля.
— Ну а этим всем что надо? — спросил Филлип, кивнув в сторону мужиков, которые продолжали стоять, выставив вперед вилы.
— Да мы думали, что это разбойники едут, — смущенно признался Эммануель, — откуда нам было знать...
— Какие еще разбойники?
— А вы их не повстречали?
Филлип покачал головой.
— Они напали вчера на торговца.
— Да ну? А где?
— На дороге, — он махнул рукой, указывая направление. — А вы давайте расходитесь, — сказал он в сторону канавы.
Торговец стоял на ступеньке крыльца, растерянно глядя на странную кавалькаду, и лишь при виде легкомысленно одетой Анины он понял свое смешное положение, резко повернулся и исчез в темноте.

Глава восьмая Арон, охотник за нутриями

Силас сидел на дереве и скалил зубы. Так им и надо, натерпелись они стыда, когда поняли, как опростоволосились, не могли отличить банду разбойников от Филлипа с Карло, лопухи несчастные. Неужели непонятно, что это размалеванный цирковой фургон? Хотя что с них взять, они, поди, никогда раньше и не видели его.

А как они таращили глаза на его мать! Силасу было не по себе, ведь глаза у них повылезли наружу, как у рыб, только оттого, что на ней был костюм канатной плясуньи. «Могла бы надеть дорожное платье, — подумал он, — к чему выряться для такой-то деревни». Ему было немножко стыдно, но в то же время он гордился, что у него такая мать, непохожая ни на одну женщину в этой деревне. Ведь они носили длинные юбки, все ходили в темном, даже молодые девушки. И выглядели скучно и бедно.

А что случилось с его собственным костюмом? В котором он выступал в номере с лошадьми вместе с Карло. Костюм был шит из блестящей материи, желтой и красной, чтобы он, как пламя, проносился, стоя на спине коня. Есть ли он еще у них!

Может, они выбросили этот костюм, раз он убежал от них? Или продали его кому-нибудь?

При мысли об этом у него аж в животе заныло, лишиться этого костюма все равно что лишиться какой-то частицы самого себя.

Ах, если бы он только мог показать Карло этого коня!

Жаркая волна радости обдала его лицо, ведь Карло наверняка никогда не видал такой лошади, да и Филлип тоже.

Внизу на улице люди толпились у чужих повозок, ведь теперь нечего было больше бояться, и они старались разглядеть все хорошенько! Рядом с Филлипом стоял Эммануель, он размахивал руками и показывал на лужайку за последним домом в деревне. Нескольких коз, которые паслись у канавы, быстро прогнали прочь. Это было почти то самое место, откуда утром провожали скот на выпас.

Силас поерзал на своей ветке и перелез на другую, откуда было удобнее смотреть. Повертев головой в разные стороны, он увидел охотника на выдр, который, верно, уже поставил на реке свои ловушки и успел вернуться. Теперь он стоял посреди улицы напротив своего ветхого домишка, беспечно опираясь на длинную палку. Сдвинув меховую шапку низко на лоб от солнца, он презрительно смотрел на это сборище. Сразу видно, подумал Силас, что он не крестьянин, те ходят ссутулясь, вразвалку, а этот двигается ловко и плавно, как настоящий охотник.

Когда повозки, осторожно подталкивая руками, откатали на лужайку, только охотник на выдр, поставив свою палку на место, шагнул, пригнувшись, в низенькую дверь своего домишка, а остальные зрители устремились через канаву на лужайку. Даже старый Петрус со скрипучим недовольным голосом и тощей птичьей шеей, торчавшей высоко из ворота рубашки, похромал туда, опираясь на палку. Силас отлично знал, что сейчас будет; шпагоглотатель обыкновенно действует быстро, как только люди соберутся, а там уже собралась поглазеть большая толпа, и он обязательно этим воспользуется.

Карло распряг лошадей, украсил их лентами и плюмажами, номер с лошадьми был первый, он исполнял его раньше вместе с Силасом; вдвоем с Филлипом они вынесли из старого фургона ящики с реквизитом, раньше их выносить помогал Силас.

Чуть погодя лошади помчались по кругу между повозками и зрителями. И Силаса вдруг охватило такое неодолимое желание сыграть на флейте мелодию, под которую лошади танцевали, что он с трудом подавил его.

Но когда подошла очередь Филлипа выйти на открытое место и показывать фокусы со шпагой, Силас удержаться не мог. Филлип по обыкновению стал расписывать, как опасно то, что он сейчас им покажет, как трудно при этом остаться невредимым. Потом он уперся одной рукой в бок, откинул голову назад и медленно, щекоча публике нервы, поднял другой рукой шпагу вертикально, острием вниз. Затем он постоял немного, как бы ища отверстие в горле, куда опустить саблю. Зрители замерли. Силас знал, что Филлип тянет время, чтобы показать, как трудно выполнить этот номер.

Наконец стальное лезвие стало понемногу исчезать у Филлипа в глотке. Силасу показалось, что он услышал, как стоящие внизу зрители разом тяжело вздохнули от ужаса и задержали дыхание в ожидании, сможет ли он вытащить назад эту штуку. Вот в этот-то момент Силас выхватил из-за пояса флейту и послал в воздух тоненький, противный свист.

Впечатление было ошеломляющее.

Свист расслышали все, но никто не понял, откуда он исходил, никто, кроме Хромого Годика. Он задрал голову к небу и стал смотреть на птиц; его

находчивость приятно удивила Силаса. Шпагоглотатель стоял в окружении зрителей, лицо у него постепенно наливалось кровью, как он ни старался, ему не удавалось ни на дюйм вытянуть шпагу. Публика не сразу поняла, что у артиста не все ладится, все глядели на небо, где кружились птицы, и показывали на них пальцами.

— Это вон та! — кричали одни.

— Нет, вот эта.

— Нет, вот она.

Один только Бартолин стоял совершенно парализованный и смотрел, как корчится шпагоглотатель, словно от сильной боли. Тут и другие заметили это и столпились возле него. Сидя на дереве, Силас внимательно следил за тем, что происходит внизу, не думая о себе самом. Но вдруг он заметил, что к дереву подходит охотник на нутрий.

В руке у него был, как всегда, длинный шест, и под мышкой он держал что-то непонятное, чего Силас не разглядел. Мальчик замер, ожидая, что охотник пройдет мимо. Охотник делал вид, что внимание его привлекает лишь шум и суета на лужайке за последним домом, но от дерева не отходил.

Силас подумал было, что он собирается войти в дом к Юанне, но нет, он туда не пошел. Человек наклонил шест и что-то нацепил на него. Силас умирал от любопытства, но не решался пошевелиться, чтобы разглядеть его получше. Ему было ясно лишь, что человек хочет сделать что-то незаметно. Но никто из стоявших возле фургонов даже не обернулся. Силас не мог разглядеть, что за штука была насажена на конец шеста, покуда она не поднялась до нижних веток.

Но тут-то самое интересное и началось.

Шест медленно пролезал сквозь ветки, до ужаса медленно. Силас со страхом смотрел на него. Что сейчас будет, может, его сшибут вниз?

Охотник на выдр продолжал с большим интересом глядеть на столпившихся у фургонов. На конце шеста торчал небольшой круглый хлебец.

Силас не шевелился.

— Ешь на здоровье, — сказал охотник.

Силас глянул вниз. Какого черта ему надо? Хлеб был совсем рядом, свежий, пахучий. Рот у Силаса наполнился слюной. А что, если взять его? Ему было совсем просто снять хлеб с шеста. А вдруг это только приманка, вдруг охотник сшибет его вниз, как только заметит, что кто-то дотронулся до хлеба?

— А ну давай поторапливайся, бери хлеб, не могу же я торчать тут целый день, — сказал с упреком стоявший внизу человек.

Силас послушался и снял с шеста хлеб дрожащими руками, готовый к тому, что каждую секунду может случиться что-то страшное.

Но ничего не случилось.

Охотник, довольный, замурлыкал песенку, опустил шест, снова на него что-то нацепил и снова поднял его. На этот раз это была небольшая кожаная фляга, в какой берут в дорогу вино.

В этот самый миг дверь дома Эммануеля отворилась, и на крыльцо быстро с деловым видом вышел разнаряженный торговец. Увидев стоящего под деревом охотника, он остановился, удивленный, и уставился на него, щурясь от яркого света.

— Ты что там делаешь? — спросил он подозрительно.
Силас быстро схватил фляжку, охотник спустил шест на землю.
— Да я думал, там нутрия сидит, — ответил он не моргнув глазом.
Торговец уставился на человека с шестом и на дерево, но из-за яркого солнечного света ничего не мог разглядеть.
— Нутрия? — спросил он, ничего не понимая.
Ловец нутрий Арон кивнул.
— На дереве? — продолжал удивляться торговец.
— Да, я просто уверен в этом, — ответил Арон.
— Чушь! Нечего меня разыгрывать, — сердито заорал торговец. — Нутрия живет в воде, ну там в ручье или еще где.
— Правильно! — одобрительно воскликнул охотник.
— Тогда что ты стоишь и тычешь палкой в дерево?
— Обещай, что никому не скажешь, — сказал охотник, понизив голос до таинственного шепота.
— Конечно, не скажу, — торговец огляделся по сторонам. — На меня всегда можно положиться. Так что же там такое?
— Нутрия, — прошептал человек с шестом.
На лице торговца отразились гнев и презрение.
— Я всегда думал, что ты немного того, придурковат, — с досадой сказал он и повернулся, чтобы идти.
— А ты знаешь ли, кто я такой? — с деланным удивлением спросил охотник.
— Ловец нутрий Арон.
— Я Арон с посохом, — торжественно заявил охотник, — ты знаешь, кто это такой. «И посох Арона зацветет и принесет плоды». Забыл, что ли, что учил в детстве? У меня, как на хлебном дереве; на нем растет хлеб, — добавил он, — и, может быть, даже вино.
— Чушь собачья, — сказал торговец и повернулся к нему спиной.
— А ты не хочешь поглядеть на нутрию? — крикнул ему вслед охотник.
— Сам ты нутрия, — огрызнулся торговец и поспешил прочь.
— Ха! — ухмыльнулся охотник.
Он положил шест на плечо и не спеша пошел поглядеть, чем же там были так заняты селяне.
Силас сидел на дереве и с удивлением смотрел ему вслед. Уж не сон ли это? Но вот он хлеб... и такой мягкий... Мальчик с аппетитом вонзил в него зубы.
Не успел он закончить трапезу, как возле дома Юанны что-то сильно зашуршало. Он перестал жевать и посмотрел вниз. Сквозь густые кусты, росшие у стены дома, пригибаясь, пробирался Хромой Годик. Непостижимо каким способом он вскарабкался на старую черепичную крышу, прополз к нависшим над крышей веткам и через минуту оказался на дереве рядом с другом. Вольготно устроившись на развилке веток и прислонившись к стволу, Силас ел хлеб, запивая его молоком из фляжки.
— Откуда ты это все раздобыл? — не скрывая зависти, спросил Годик.
— Ты вчера меня угостил, а я сегодня тебя.
— Ну а кто тебе его дал? — спросил Годик, уписывая хлеб за обе щеки.

Силас рассказал, как все было, как охотник за нутриями подал ему еду на шесте.

— Да, он слышит и видит все лучше, чем все мы вместе взятые, — сказал Хромой Годик, и в голосе его звучало глубокое уважение.

Силас протянул ему фляжку с молоком, его еще оставалось довольно много.

— Это ты кричал? — вдруг спросил Годик.

— Это флейта свистела, — с серьезным видом поправил его Силас.

— Никак ты спятил!

— Да, я такое часто проделывал.

— Он чуть не умер от этого. Горло у него сжалось или еще что там стряслось, ему пришлось долго лежать, покуда они смогли вытащить эту шпагу.

— Он сильно разозлился?

— Еще бы! Он накинулся на Бартолина и требовал, чтобы тот сказал, где ты есть, он был уверен, что Бартолин спрятал тебя. Для чего ты это сделал?

— Да так, для смеха.

— А если они теперь тебя найдут?

— Так ведь ты сказал, что это птица кричала. Они все подумали на птицу, кроме Филлипа.

— Тебе не видать коня, если будешь так дурачиться, — пригрозил Годик, — шпагоглотатель тоже хочет его купить.

— Стало быть, уже трое хотят.

— Эммануэль думает, что теперь он может содрать за него хороший куш. Это будет самая важная конская ярмарка за много лет. Даже Петрус не помнит, когда еще здесь такая была. Эммануэль хочет продать лошадь сразу после обеда, а торговец хочет сначала продать свои товары. Боятся, что народ не станет интересоваться, что он привез в сундуках, после того как лошадь будет продана. А Бартолин, тот вообще говорит, мол, лошадь его, с какой стати ему покупать свою собственную лошадь.

— Я думаю, с этим конем все будет ясно, только скорей бы, мне уж надоело тут сидеть, словно птица.

Толпа у фургонов начала редеть, и Хромой Годик вскоре засобирался вниз.

— Мне пора, — сказал он, — а то мать начнет меня искать и звать. Она велела нам ложиться и еще поспать. Но я еще приду к тебе, если смогу, когда все заснут.

Он спустился на крышу и исчез. Силас вдруг почувствовал себя ужасно одиноким, ведь ему предстояло здесь еще так долго ждать. Другие, небось, могут улечься в постель и захрапеть.

Глава девятая Медная кастрюля

В деревне было тихо, нигде ничто не двигалось, до Силаса сидевшего на дереве, не долетал ни один звук, даже жаворонки днем петь не хотели. Силасу стало скучно. Пожалуй, можно было бы спуститься вниз, пока никто не видит.

Он посидел немного, прислушиваясь. На другой стороне улицы в конюшне стоял его конь... «Что, если прокрасться и взглянуть на него, ведь должна же быть хоть одна щелка в стене...

А может, навестить Карло? Его мать и шпагоглотатель пошли в дом к Эммануелю, и сейчас у фургонов остался один Карло».

Силас повис над крышей дома Юанны, потом осторожно скользнул ногами по черепице. Нагревшаяся черепица уже слегка жгла ноги, он встал на четвереньки, чтобы не так сильно давить на нее. Не очень-то здорово будет, если он проломит крышу и провалится. Прямо в дом. Вот будет радость для Бартолина.

Ловко, как кошка, Силас прополз по крыше, остерегаясь трогать шаткие черепицы, но все же они колебались и стучали одна о другую. К счастью, все там внизу крепко спали. Он без труда добрался до фронтона, откуда влезал на крышу Годик, и через минуту уже стоял на земле. Здесь, на задворках, ему представилась еще более убогая картина, чем на улице. Все росло здесь как попало, повсюду валялся ненужный хлам и отбросы. Раздолье для свиней и кур! Сейчас они, поди, дремали в кустах, прячась от жары, подумал Силас, и в самом деле нашел гнездо, в котором лежали четыре яйца. Не долго думая, он разбил их и выпил. Вот это жизнь!

Он прошел по задворкам почти все дома, как вдруг почувствовал, что за ним кто-то идет, и быстро спрятался за какой-то развалюхой. Это опять был Хромой Годик.

— Ты вовсе спятил? — прошептал он, увидев Силаса. — Беги давай назад, они сейчас начинают.

— Да они все спят, — возразил Силас.

— Никто не спит, — отрезал Годик, — слишком важный сегодня день. Давай-ка, поторапливайся.

И они, пригнувшись, побежали друг за другом назад к задворкам дома Юанны.

— Лезь позади меня, ползи по самому краю крыши, чтобы они не услышали.

— Куда это тебя черти понесли? — спросил Годик, когда они снова вскарабкались на дерево.

— Хотел поговорить с Карло.

— Видать, ты вовсе ополоумел.

— Шш... — зашикал Силас.

Дверь отворилась, и на улицу вышел человек. Чуть погодя из другой двери вышли еще двое.

— Что я тебе говорил! Хорош бы ты был, если бы сидел сейчас у Карло.

Из дома Юанны появился Бартолин, а из дома Эммануеля вышли Филипп и торговец. Улицу мгновенно заполнили женщины и дети, и все они столпились возле большого дерева, на котором сидели Силас и Хромой Годик. Торговец громко и торжественно велел нести сундуки.

«Зачем это? — подумал Силас, — словно хоронить кого-то собираются, смех да и только».

— Это он так выставляется потому, что здесь шпагоглотатель и твоя мать, — прошептал Годик.

— Давайте сперва лошадь торговать, — проревел Бартолин громовым голосом.

Торговец не согласился и еще раз велел вынести сундуки из дома Эммануеля, и на этот раз сундуки появились. Широко расставив ноги, Бартолин встал у первого сундука, всем своим видом выражая презрение к торговле такого рода,

торговец тем временем повернул большой ключ в замке и открыл крышку. Глянув на содержимое сундука, Бартолин нарочито закашлялся.

— Барахло для баб, — пробормотал он, продолжая стоять на месте.

В одном сундуке была плотно упакована блестящая медная утварь: подсвечники, кастрюли и сковородки, другой же был до отказа набит шелком и шерстью ярких цветов.

— Ну, и что дальше? — грозно спросил Бартолин.

Торговец покосился на него и ничего не сказал, отступил чуть назад к стене дома, где стояли Филлип и Эммануель. Вокруг сундуков столпились деревенские женщины и девушки, они вытягивали шеи, пытаясь разглядеть все получше, но сразу же подойти вплотную не решались. Это было бы слишком нескромным, приличие требовало немного повременить.

Но у Бартолина не было никакого желания ждать, он считал, что с этим нужно покончить как можно быстрее и заняться лошадью.

«Продавать бабам всякую ерунду — занятие не из солидных», — подумал он.

— Ты бы хоть поднял и показал какой-нибудь товар, — сказал он в сторону торговца, — неужто ты думаешь, что все эти цацки продадутся сами по себе? Не желаете ли купить что-нибудь? — обратился он к собравшимся с язвительной вежливостью, — ну, скажем, подвязки или кастрюли?

Ответом ему был взрыв хохота. Глаза Бартолина метали молнии.

— Так ведь каждый порядочный продавец предлагает товар покупателю, — прошипел он.

— Вот как, — сказал шпагоглотатель, — и ты для этого, конечно, самый подходящий человек?

Народ снова захохотал, а довольный Эммануель потирал руки. Ведь теперь все были настроены против Бартолина, и это сыграет свою роль, когда начнут торговать лошадь.

Торговец, видно, не собирался подходить к сундукам, и Бартолин досадовал, что стоит возле них один.

— Это, разрази меня гром, странная манера торговать, — презрительно заметил он и подался назад, к тому месту, где стояли мужчины. И Силас про себя согласился с ним, он никогда еще не видал торговца, который бы не расхваливал до хрипоты свой товар.

— Он всегда так делает, — прошептал Хромой Годик.

Но женщины одна за другой стали неуверенно подходить к сундукам, а торговец демонстративно повернулся к ним спиной и стал беседовать с Филлипом. Анину тоже потянуло к набитым товарами сундукам. Силасу, сидевшему на дереве, было видно, как она первая протянула руку и пощупала уложенные один на другой отрезки тканей. Ее примеру последовала Тереза, пожилая жена Эммануеля, которая все время держалась возле этой незнакомой женщины.

Силас понял — торговец знает, что делает. Не прошло и минуты, как все женщины стали лихорадочно рыться в сундуках, каждая старалась ухватить что-нибудь получше, то и дело две из них тянули каждая к себе один и тот же передник, бросая друг на друга гневные взгляды, потом обе отпускали его и хватили что-нибудь другое. Они выбирали, прикладывали к себе и швыряли

назад, не теряя надежды выбрать самое лучшее. Страх, что другие опередят, заставлял их руки работать в этой драгоценной куче быстро и жадно — ленты и кружева в беспорядке свисали с бортов сундуков.

Они все хватали и примеряли, не думая о том, что за это надо платить, что они бедные женщины из бедной деревни. Дело дошло чуть ли не до драки, в ход были пущены не только языки, но и локти.

Мужчины стояли поодаль и озабоченно переминались с ноги на ногу, глядя на ошалевших женщин. В полном ужасе они представляли себе, как посевное зерно, домашняя птица и прочее, необходимое в хозяйстве, окажутся в просторной повозке торговца, ну разве что за лошадь выручат столько, что хватит и на эти безделушки.

Лишь одна женщина не делала попытки протолкнуться к сундукам — вдова Юанна. Даже самая красивая материя не могла соблазнить ее на покупку. Без всякой надежды стояла она в стороне, беспрестанно перебирая руками шаль, накинутую на плечи. Силас сравнил ее со своей матерью, и ему стало стыдно, хотя сейчас она была одета пристойно, как другие женщины. Она могла себе позволить купить то, что хотела, и покупала. Силас виновато покосился на Хромого Годика.

К толпе медленным шагом приближался охотник на нутрий.

Все были заняты происходившим возле сундуков, и никто кроме Силаса не заметил рослого человека в меховой шапке. Он подошел к стоявшей поодаль от толпы Юанне и встал рядом с ней. Юанна не повернула головы и не подала виду, что заметила его. Они стояли почти что под ногами Силаса.

— Что же ты ничего не покупаешь? — спросил насмешливо Арон, отлично зная ее положение.

Юанна вскинула голову и не ответила.

— Неужто тебе тут ничего не понравилось, ничего из этого не надо?

— Сам хорошо знаешь, что надо, — отрезала Юанна.

— Почему же ты тогда ничего не покупаешь?

— Платить нечем.

— А у других есть чем?

— Это их дело. Я ничего не куплю.

Арон улыбаясь украдкой смотрел на нее. А Силас пожалел, что выпил те четыре яйца, ведь они были у нее не лишние.

— Даже ни кусочка тесьмы?

Силас затаил дыхание и покосился на Годика. Тот сильно покраснел: на что он склоняет ее?

— Нет, — решительно ответила она.

— Ты можешь заплатить больше других.

— Чем?

— Мехом нутрии, — многозначительно сказал охотник.

Она сверкнула на него глазами.

— И что ты хочешь взамен?

— Тебя, — ответил он напрямик.

— Я не продаюсь за тесьму, — сердито ответила она, — стыдно тебе пользоваться моей бедностью.

Она гордо отвернулась и не заметила, что охотник остался доволен ее отказом.

— А ведь это хороший мех, за него можно дорого взять, — нутрии отловлены в самое подходящее время года.

— Не надо.

— Ах да, у тебя сейчас есть постояльцы, ясное дело, тебе ни к чему мои шкурки.

Юанна в бешенстве повернулась к нему.

— На что это ты намекаешь?

Она сказала это так громко, что не успел Арон ответить, как Бартолин бросил на них подозрительный взгляд и подошел к ним.

— Ну? — рывкнул он, переводя взгляд с Юанны на охотника. — Он тебя обижает?

— Да нет, — холодно ответила Юанна постояльцу.

— Я только попытался уговорить ее купить что-нибудь за шкурки нутрии. Может, лошадиная шкура сгодится?

— Для чего мне стараться, когда некоторые ведут себя так глупо. Да и тебе, слышишь, — сказал довольный Бартолин, — нечего тут размахивать своими вонючими обрывками меха у нее под носом.

— Да я и сам так подумал, — согласился охотник и покосился на Юанну, которая отвернулась от них, делая вид, будто интересуется тем, что происходит возле открытого сундука с материей.

— Между прочим, она поедет со мной, как только я верну своего коня, — пригрозил Бартолин.

Юанна рывком повернула голову, как бы протестуя, но продолжала молчать.

— Вот ка-ак, — протянул охотник, — а кто же станет кормить ее ребятишек?

Бартолин ответил, помедлив, с явным нежеланием:

— Я заберу их с собой. Старший будет работать в конюшне.

— Понятно. А я как раз собирался взять его в помощники.

— Мне нужен конюх, — оборвал его Бартолин.

— А маленькие девчушки, — продолжал Арон, словно не замечая резкого тона, — мне они нравятся. Может, позволишь мне воспитать их? В конюшне от них невелика помощь.

Бартолин, казалось, взвешивал это предложение, и Силас уголком глаза видел, как Хромой Годик таращил на них глаза и слушал в полном отчаянии.

— Я подумаю, — ответил Бартолин, похоже было, что он вовсе не прочь отделаться от дочек Юанны, отдав их охотнику.

— Только с условием, что я заберу и парнишку, — быстро добавил Арон.

— Это уж я сам решу.

— Ну, конечно, — согласился с издевкой в голосе охотник.

— Между прочим, нечего тебе мешаться в мои дела! — вспыхнул Бартолин.

— Так ведь я только хотел помочь тебе, — ухмыльнулся человек в меховой шапке. И отошел от них, проталкиваясь к сундуку с медной утварью. Торговец предупредительно повернулся к нему.

— Кастрюлю! — потребовал охотник.

Все вокруг замерли, предчувствуя что-то необычайное. Торговец взял кастрюлю и протянул ее Арону.

— Слишком маленькая, — сказал охотник.

По толпе прошелестел говорок.

— Других нет, что ли, у тебя?

Торговец достал кастрюлю побольше. Блестящая медь засияла на солнце.

— Эта подойдет?

— Видать, нынче нутрий здесь богато, — пошутил кто-то из толпы мужиков.

— Нелегко только получить что-нибудь стоящее за хорошие шкурки, — ответил охотник, меряя взглядом кастрюлю.

— Мала.

Торговец постелил коврик и принялся расставлять на нем медную посуду. Но охотник ни на чем не остановил свой выбор.

Лишь когда торговец выудил из сундука свою самую большую и самую красивую кастрюлю, охотник остался доволен. Такая кастрюля годилась для многодетной семьи, для чего она холостяку, никто не понял.

Силас поглядел вниз на Юанну, но на ее лице нельзя было ничего прочесть, а Бартолин, продолжавший стоять на том же самом месте, презрительно и насмешливо улыбался. Силас догадался, что все это связано с недавним разговором здесь под деревом, и ясно было, что Бартолин считает охотника на нутрий дураком и шутом гороховым.

Тут же возле сундука Арон расплатился целой охапкой шкурок, которые небрежно вытащил из карманов. Торговец жадно оглядел каждую, посмотрел на солнечный свет, нет ли дырок, и губы его при этом плотноядно шевелились. Потом он кивнул и быстро свернул шкурки: Еще одна удачная сделка.

Арон поставил котел на плечо и стал выбираться из толпы. Глаза всех были прикованы к нему. Никто в деревне не видывал такой роскошной кастрюли, обходились дешевыми чугунными котлами или коричневыми глиняными горшками, медная посуда была крестьянам не по карману. Люди почтительно расступались, пропуская владельца медной кастрюли. Тут Силас заметил, что под шумок многие женщины, осторожно подкравшись к сундуку, положили назад то, что они сгоряча схватили.

Арон же не пошел домой, а встал рядом с Бартолином и Юанной. Он вдруг протянул кастрюлю Бартолину, и тот ошалело ухватил ее за ручки, чтобы дорогая вещь не упала на землю.

Толпа замерла. Те женщины, которые еще держали в руках шали и куски шелка, забыв, что они собирались с ними сделать, повернулись к Бартолину, который стоял, прижав кастрюлю к животу и ничего не понимая.

— Что мне с ней делать? — растерянно спросил он.

— Позволь мне преподнести тебе вещь, без которой в хозяйстве никак не обойтись, ведь теперь семейство твое сильно выросло, — сказал он громко, чтобы все слышали.

Все глаза уставились с любопытством на Юанну. Бартолин покраснел от злости.

— Я хочу сказать, что ведь теперь у тебя в доме будет жена и трое детей, — продолжал невозмутимо охотник.

Бартолин поглядел по сторонам, глупо улыбаясь, и покраснел еще сильнее.

— Ведь такой кастрюли у тебя вроде бы нет? — ласково спросил его охотник, и люди сразу же вспомнили, как Бартолин живет.

— И Юанна, и ребятишки спасибо скажут, если будет в чем варить еду, — продолжал Арон.

Люди, посмеиваясь, окружили эту троицу. Тут, видно, предстояло услышать немало забавного.

— Кто сказал, что я собираюсь поселиться у Бартолина? — спросила Юанна, отодвигаясь от барышника.

— Так ведь это он сам сказал, — воскликнул охотник с деланным удивлением. — А может, ты и не знала об этом?

В толпе раздался смех, а Бартолин в отчаянии искал, куда бы поставить кастрюлю, опустить ее на землю он явно не решался.

— Мне и в своем доме хорошо, — сказала Юанна.

— В самом деле? — пробормотал охотник с сомнением в голосе. — Я охотно приму ребятишек, если ты из-за них... — он многозначительно оборвал фразу.

— Не твоя это печаль, уж я сама позабочусь о своих детях.

Бартолин, слушая этот разговор, чувствовал себя последним дураком, выставленным напоказ всей деревне.

— Забирай свое барахло, — взорвался он, — буду я еще держать твою дрянную посудину! — и чуть ли не швырнул кастрюлю охотнику.

— Так ведь это же подарок, — невозмутимо сказал Арон.

— Не нужны мне твои подарки, я сам могу купить все, что мне надо.

— Да, у тебя в хозяйстве много распрекрасных вещей и мебель что надо, — согласился Арон к большому восторгу окружающих; все знали, что у барышника кроме соломы на полу ничего не было. — И к тому же нам известно, как ты любишь делать дорогие подарки, не правда ли?

Бартолин смотрел на него вопросительно.

— Разве ты не подарил первому встречному парнишке свою лучшую лошадь?

— И не думал дарить, — проревел Бартолин, — он украл у меня ее.

— Разве он не выиграл ее на спор?

Бартолина аж передернуло.

— Он должен был сказать, что умеет ездить верхом.

— Вот как, а ты что должен был ему сказать?

— Да он нахальный и бессовестный воришка, — взвыл Бартолин.

Услыхав, что разговор идет о мальчишке и лошади, Филлип, до того стоявший в сторонке, подошел к ним.

— А куда подевался этот мальчишка? — спросил он Эммануеля.

— Он смылся, — соврал Эммануель, — взял и удрал куда-то.

— Что ты сделал с ним?

— Ничего. Я привел его в дом, напоил и накормил.

— А он взял и ушел?

— Исчез куда-то в тот же вечер.

— Гм, — сказал Филлип, поглаживая напояженные усы. — А я мог бы выкупить его у тебя.

Эммануель вытаращил глаза:

— Выкупить?

Филлип ухмыльнулся. А Силас, сидя на дереве, подумал, как Эммануель, наверно, раздосадован.

— Я бы заплатил тебе за него не меньше, чем за коня, — соблазнял его шпагоглотатель.

При этой мысли волосы на голове у Силаса встали дыбом. Но Эммануель с сожалением пожал плечами.

— У меня его нет.

Анина, стоя возле сундука, слушала их с испуганным лицом, ведь они говорили о ее мальчике. Не мешкая, протиснулась она сквозь толпу к Эммануелю и встала перед ним так, чтобы он не мог улизнуть.

— Он умер? — тихо спросила она, сверля его глазами.

— Мы его не убивали, если ты про то спрашиваешь.

«А чуть было не отправили на тот свет», — подумал Силас.

— Он жив? Ты уверен в этом?

— Ясное дело.

Эммануель попытался выдержать взгляд Анины, ведь он все же не убийца. Но нельзя сказать, чтобы он стоял перед Аниной со спокойной совестью. И ему стало отнюдь не легче, когда рядом с Аниной появился Бартолин, ему тоже был нужен Силас, и он винил Эммануеля в том, что мальчишка исчез.

— Да нет его у меня, — заверял крестьянин, всплескивая руками. — Причем тут я, коли он ушел.

— И оставил коня? — сухо спросил Филлип. — Не похоже на правду.

— Да, черт побери, — воскликнул охотник, по-прежнему стоявший здесь же с кастрюлей на плече, — велика важность — сопливый мальчишка. Возьми другого, ну хотя бы одного из этих, — он показал на целый рой ребятишек, шнырявших среди толпы.

Анина холодно посмотрела на него:

— Ты, я вижу, щедр раздавать чужих детей.

— Если бы у меня были свои, я их тут же продал бы собственным матерям по цене лошади, — небрежно бросил Арон. — А что, вы и людьми торгуете? — продолжал он

При этих словах Анина с гримасой отвращения замотала головой.

— А я сегодня утром, стоя у реки, узнал, что шпагоглотатель по имени Филлип собирался купить безглазую девочку.

— Кого? — спросила Анина.

— Она живет здесь недалеко, на берегу, я говорил с ее дядей.

— Безглазую? — спросила, недоумевая, Анина.

— Это какая-то ошибка, мы приехали с противоположной стороны.

— А не ты ли шпагоглотатель Филлип?

— Ну, я.

— А разве не ты только что собирался купить парнишку у Эммануеля?

— Так ведь это совсем другое дело...

— И ты хочешь заставить нас поверить, что не собирался покупать Марию?

— А ты знаешь ее? — с интересом спросил Филлип.

— Ясное дело, знаю.

— И у нее в самом деле нет глаз?

— Одни глазницы.

Филлип тоненько свистнул.

— Пожалуй, это не такая плохая идея.

— Она не продается, — сухо сказал охотник.

Толпа ахнула, а Силас и Хромой Годик молча посмотрели друг на друга.

— А ты-то откуда знаешь? — спросил Филлип.

— Я заплачу больше всех, если ее станут продавать, — сказал охотник.

— Вот как! — воскликнул со значением Филлип, высоко подняв брови.

— Так я тогда заполучу своего коня, — с надеждой сказал Бартолин, — а тебе достанется девчонка.

Ответом ему было суровое молчание.

Глава десятая Конская ярмарка

Силас почувствовал, как у него сильно заколотилось сердце. Сейчас наконец будут торговать вороного, сейчас он снова увидит его. Мальчику казалось, что как только вороного выведут из этой проклятой конюшни, все каким-то образом разрешится. Он был уверен, что снова будет сидеть у коня на спине, но пока Эммануэль ходит тут с ключом за пазухой, сделать ничего нельзя.

У сидевшего рядом с Силасом пастуха был такой вид, будто он обдумывает что-то очень серьезное. Они не разговаривали, хотя сидели близко друг от друга, даже шептаться боялись. Ведь любой шум мог выдать, где они прячутся, а ни Силас, ни Хромой Годик не хотели, чтобы их заметили сейчас, когда начнется самое главное. Кроме того, они ведь слышали, что за Силаса было обещано заплатить столько же, сколько за лошадь, и если крестьянам удалось бы поймать его, они бы спросили с Филлипа вдвое дороже.

Эммануэль направился к конюшне, и народ замер, ожидая, когда он появится с лошадью, предчувствуя, что произойдет что-то особенное. Услышав стук танцующих копыт и увидев коня, Силас наклонился вперед, ликуя от радости, и Хромой Годик предостерегающе потряс головой.

Норовистого коня так долго держали в темноте, что сейчас от яркого солнца он совсем ошалел, и Эммануэль с трудом удерживал его за поводья. Зрители восторженно ахнули, даже те, кто видел этого коня раньше, а Филлип сложил губы трубочкой и одобрительно свистнул.

Однако никто не сказал ни слова, пока Эммануэль, петляя, выводил коня со двора на улицу. Позади них зияла черная пасть открытой двери конюшни. Силас пристально смотрел на торговца, главного покупателя, и по его растерянному, смущенному виду понял, что такого коня ему еще покупать не доводилось.

«Да он и подойти-то к нему не решится», — злорадно подумал Силас, глядя на испуганное лицо торговца.

Но если торговец оробел от грозного вида коня, то Бартолин просто взбесился, увидев свою утраченную собственность.

Он грозил тесной толпе кулаками, сыпал проклятия и умолял без промедления отдать ему коня. Но никто не обращал внимания на его крики и угрозы, все

глядели на коня, разве что кроме охотника на нутрий, с которым Бартолин не желал разговаривать.

— Что ты так развопился? — спросил охотник, с презрением глядя на барышника.

— Так конь-то ведь мой, вы не смеете, не смеете продавать его, это мой конь.

— Докажи, — подзадоривал его охотник.

— Да ведь я же признал его, что же вы думаете, я не признаю свою собственную скотину? — взвыл Бартолин.

— А тебе охота его иметь?

— Еще бы! — барышник усердно закивал головой.

— Тогда тебе придется его купить, — сказал Арон.

— Так ведь он же м о й, я уже один раз платил за него, — стонал Бартолин.

— Тогда покажи нам, чего стоит этот конь, купи его еще раз. Доброе дело даром не проходит, сам знаешь.

Охотник огляделся, ища места, куда бы поставить свою огромную кастрюлю.

— Так ведь его у меня украли, — протестовал барышник.

— А ты докажи, каждый может сказать, что конь его. И я тоже могу это сказать, чего проще!

Он быстрым шагом подошел к дому Юанны и поставил кастрюлю у двери.

— Надеюсь, ты не против, если я ее здесь поставлю? — спросил он у

Бартолина, который следовал за ним по пятам. Казалось, ему пришла в голову отличная идея.

— Послушай-ка, что я тебе скажу, — таинственно прошептал он.

— Ну?

Бартолин склонил голову к плечу долговязого охотника.

— Если ты сможешь мне получить обратно коня, можешь оставить себе вдову Юанну.

Охотник мрачно усмехнулся.

— Она и без того мне достанется, мы с ней уже договорились однажды, ты ей и даром не нужен.

Охотник произнес эти слова презрительно, безжалостно, и барышник смущенно опустил голову.

— Если тебе так уж приспичило заполучить этого коня, плати денежки, — добавил Арон. — Конь продается.

— Да вы просто разбойники, — зашипел разъяренный барышник. — Ведь конь-то мой.

— Ну, назначайте цену, — заорал Эммануэль через головы собравшихся. — Мы начинаем торг.

К своему огорчению, Силас увидел, что вороного не подвели к самому дереву, как он надеялся. Эммануэль держал коня почти посередине улицы, чтобы его было видно со всех сторон. А Силас надеялся, что ему в какой-то момент удастся вскочить коню на спину и ускакать, когда все растеряются.

— Ну? — воскликнул Арон, подбадривая народ.

Бартолин мрачно насупился и молчал.

— Сотня серебром! — весело воскликнул охотник. Стоявшие вокруг засмеялись, а Бартолин покраснел еще сильнее, цена была названа ничтожная. С минуту все молчали.

— Если никто больше не дает, то я покупаю коня за сотню серебром, — громко сказал охотник.

— Две сотни, — засмеялся Филлип.

— Никак вы спятили, конь стоит куда больше, — крикнул Эммануель.

— Ясное дело, — согласился Арон, — но если дороже не дают, можно купить и за эту цену.

— Двести десять, — рявкнул торговец с кислой миной.

— Гляди веселей, — крикнул ему Арон, — это лучший конь во всей округе.

— Да он мой, — закричал Бартолин, — верните мне его!

— Триста, — сказал охотник и захохотал.

— Помолчи! — оборвал его Эммануель, — тебе я его не продам.

— В самом деле?

Видно, охотника забавлял этот спор.

— Это ты за такую цену не хочешь мне его отдавать, — добавил он.

— Триста десять, — сказал торговец.

— Триста одиннадцать, — сказал Филлип точно таким же тоном, и все поняли, что он дурачится. Торговцу не позволяли самому назначить цену за покупку. Это ему не подходило, он был явно недоволен тем, что торг принял такой оборот.

— А что же ты? — обратился Эммануель к Бартолину, — тебе так хотелось заполучить этого коня.

— Не могу ли я обменять его на другого коня? — спросил Бартолин.

— Только не на одного, — весело сказал охотник, — а на нескольких.

— Предлагается упряжка добрых рабочих лошадей, — согласился Эммануель.

— Ими никого не удивишь, — сказал Филлип, — я даю за этого четырехста.

— Пятьсот, — пропел охотник.

Эммануель беспокойно покосился на него.

— У тебя и денег-то нет, — сказал он.

— Найдутся.

— Не порти нам дело, — пригрозил Эммануель.

— Да я только поднимаю цену, — успокоил его весело охотник.

— Пятьсот десять, — пробормотал торговец.

— Плюс две, — сказал Филлип.

— Три лошади, — крикнул Бартолин.

— Три лошади за пятьсот две монеты серебром! — громко выкликнул

Эммануель.

— Шестьсот! — завопил охотник.

— Заткнись, — испугался Эммануель, — не тебе покупать коня.

— Разве?

— И что тебе только надо?

— Деньги на налоги и платежи, чего же еще.

— И что бы ты стал делать с конем, если бы купил его?

— Содрал бы с него шкуру.

У Силаса перехватило дыхание.

— Содрать шкуру? — спросил крестьянин, думая, что ослышался.
— Больно хороша у него шкура, — сказал охотник так, будто вполне резонно было заколоть такое животное ради шкуры.

— В своем ли ты уме? А как же мы?

— Ничего, до сих пор как-то обходились, хотя вечно ноете, — утешил его охотник.

— Шестьсот пятьдесят, — выдавил торговец с такой натугой, словно ему пришлось оторвать лошадь от земли.

— Семьсот, — выпалил охотник.

— Восемьсот, — поторопился выкрикнуть Филлип.

— Вот видишь, это помогает, — торжествовал Арон, обращаясь к Эммануэлю.

Торговец прямо-таки корчился от напряжения.

— Восемьсот двадцать пять, — пробормотал он еле слышно.

Охотник опять повысил цену и резко повернулся, показав пальцем на Бартолина:

— А что скажешь ты? Что же ты молчишь?

— Так ведь это мой конь, — застонал этот здоровенный человек.

— Понятно. Этого одра ты упустить ни за что не хочешь. Сколько лошадей из своей конюшни ты готов отдать за него?

— Я уже говорил — три.

— Так ведь цена коня поднялась.

— Ну я тебе это припомню, дьявольское отродье, — прошипел Бартолин.

— Четыре? — невозмутимо спросил Арон, подняв одну бровь.

— Три, я сказал.

— Стало быть, ты сам не знаешь, сколько стоит твоя лошадь. Покажи ее настоящую цену.

— Восемьсот пятьдесят, — проревел Бартолин с такой болью, словно отрывал собственную руку.

Охотник рванул себя за волосы, изображая полное отчаяние:

— Вот видишь, чего стоит твой конь? — взвыл он. — Ну, а ты что скажешь?

Он повернулся к торговцу.

— Что же ты мешкаешь? А я-то, человек бедный, думал, увидев этого коня, что вы двое всерьез можете оценить его...

— Девятьсот, — сухо сказал Филлип.

— Наконец-то я слышу что-то разумное. Так конь продан?

— Нет! — вырвалось из глотки торговца.

Охотник вопросительно поглядел на него.

— Тысяча.

Арон бросил на Бартолина насмешливый взгляд:

— Неужто ты уступишь свою лучшую лошадь за такую жалкую цену?

Барышник переводил взгляд налитых кровью глаз с Арона на торговца и потрясал кулаками.

— Сколько ты дашь, чтобы торговец отступился? — спросил охотник предательски ласково.

— Тысячу десять, — хрипло сказал Бартолин.

— Вы слышите, — воскликнул Арон, указывая на барышника, — этот человек согласен отдать тысячу десять крон серебром за лошадь, которую он однажды уже купил. Стыдно вам не предложить за нее вдвое больше.

— Тысяча двадцать пять, — сказал Филлип.

— Это просто насмешка над конем! — сердито рявкнул охотник.

— Тысяча тридцать, — сказал торговец.

— А что скажешь ты? — обратился Арон к Бартолину.

— Я не могу опустошить свою конюшню, чтобы потрафить тебе, — отрезал Бартолин.

— Можешь, помяни мое слово.

— Заткнись, — проревел барышник. — Все это жульничество, отдайте, моего коня.

— Теперь это конь торговца или еще нет?

Бартолин молчал. А охотник внимательно оглядел собравшихся.

— Что ты дашь мне за то, что я больше не буду повышать цену? — спросил он Эммануеля.

Крестьянин возмущенно вцепился крепче в уздечку.

— Видать, ты не в своем уме, у тебя и денег-то нет, ничего у тебя нет.

— Ну и что из того?

— Стало быть, ты не можешь...

— А вот могу...

— Так ведь...

— Что ты дашь мне за это?

— А сколько ты хочешь? Сам-то ты сколько просишь?

— Те тридцать, что сверх тысячи, — ответил без колебания охотник.

— А не жирно ли будет?

— Я бы мог получить и сотню, которую первым предложил, — задумчиво сказал охотник.

— Ну ладно, получишь тридцать.

— Меньше уж никак нельзя, — подтвердил Арон.

Эммануель глубоко вздохнул.

— Я покуда подержу коня, а вы с торговцем ударьте по рукам да получите свои деньги, — услужливо предложил охотник и бесцеремонно протиснулся между жеребцом и Эммануелем. Тот с неохотой отошел к стене, чтобы закончить сделку, но ясно было видно, как ему не хотелось расставаться с вороным.

— Теперь я не отдам его, покуда не получу свою долю, — с насмешкой крикнул охотник вслед Эммануелю, но тот не обернулся.

Сидевший на дереве Силас обрадовался его словам. Охотник похлопал вороного по шее и попросил стоявших рядом посторониться.

— Мне думается, надо отвести его в тень, — сказал он и отвел коня под дерево.

Силас почувствовал, как мышцы у него под кожей напряглись, он изловчился и занял удобное положение почти на конце толстой ветки. Из слов охотника он понял, что наступил решающий момент.

— Только сначала я получу свои деньги, — сказал Арон, ласково поглаживая морду коня.

Силас и Хромой Годик поглядели друг на друга, пастух снял кожаную флягу с нароста на дереве и взвесил ее на руке. Она была тяжелая, точно деревянная, еще не совсем пустая.

Эммануэль отошел от стены назад к лошади, держа в высоко поднятой руке серо-коричневый кожаный мешочек, чтобы все его видели.

— Теперь лошадь моя, — сказал торговец и потянулся, чтобы взять уздечку.

— Погоди-ка немного, пока я получу свое, — возразил охотник, отодвигая его локтем, и подставил Эммануэлю ладонь, большую и глубокую, как блюдо.

Крестьянин сунул руку в мешочек и стал, торопливо отсчитывая монеты с жадным и подозрительным видом, выкладывать их на руку охотника. Звук ударявшихся друг о друга монет взволновал любопытных зрителей, они стали толкаться и протискиваться вперед, особенно напирали задние, кому совсем ничего не было видно.

— Считай вслух, — потребовал охотник, — чтобы после никто не говорил, что я взял лишнее.

— И чтобы ты не говорил, что тебе недодали, — согласился Эммануэль и стал считать вслух так, чтобы все слышали, — ... семнадцать, восемнадцать, девятнадцать...

Вплотную рядом с крестьянином, почти наклонившись над его плечом, стоял Бартолин, лоб у него буквально распухал с каждой монетой, ложившейся на ладонь охотника. Силасу было хорошо видно, как вздувались жилы под топорщившимися, почти стоявшими дыбом волосами барышника. Точно такой вид был у него, когда Силас скакал по кругу на его диком жеребце, без сомнения, в этом человеке kloкотал справедливый гнев. В душе он был совершенно уверен, что конь принадлежал ему, ему одному.

«Но это вовсе не так, — думал Силас. — Бартолин проиграл спор, хотя и не хочет это признать. Все равно конь мой, я его выиграл».

— ...двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять, — считал Эммануэль медленно и обстоятельно. Силас прикидывал расстояние от него до лошади.

— ...тридцать.

Охотник зажал монеты в руке. Этого уже Бартолин не смог вынести. С ревом рванулся он вперед и, протянул руку через плечо Эммануэля, чтобы выбить деньги из руки охотника, порушить всю сделку.

— Это не по правилам, не по правилам, — кричал он, в то время как четыре руки пытались удержать его.

Тут Силас медленно скользнул на нижнюю ветку и, воспользовавшись этой суматохой, прыгнул вниз и благополучно приземлился на спину лошади.

Почувствовав тяжелый предмет, вдруг упавший ему на спину, вороной вздрогнул и высоко подпрыгнул на прямых, упругих ногах, так что сгрудившиеся вокруг люди в страхе подались назад. При виде Силаса, которого они сами посадили в старый разохшийся челнок Пепе, их словно хватил паралич, и они потеряли дорогие секунды, не веря своим глазам и не понимая, в самом деле это он или их постигло наказание господне.

Но тут же опомнившись, они бросились к лошади, явно собираясь стащить его на землю. Силас поднял вороного на дыбы, обороняясь от них. Дело касалось его

жизни и свободы, и его ничто не остановило бы, даже если бы у многих в этой толпе оказались сломаны руки и отдавлены ноги.

Глава одиннадцатая Силас не одинок

Силас сжал ногами бока вороного, и конь взвился, готовый помчаться по улице.

Но тут Бартолин снова рванулся вперед, чтобы удержать лошадь. Силас не подобрал уздечки, и маневр барышника наверняка удался бы, если бы как раз в этот момент ему в голову не угодила увесистая фляга Хромого Годика.

Этого барышник уже не выдержал. Не издав ни звука, он повалился на сутулые спины стоявших рядом крестьян, грузно сполз вниз и упал им под ноги. Даже женщины, галдевшие так громко, что им то и дело приходилось прикладывать руку к уху, чтобы что-нибудь расслышать, замолчали при виде всадника, атакующего мужиков. Бартолин лежал на земле как мертвый.

— Видали? — дерзко спросил Силас.

Все молчали. Никто не заметил, откуда упала фляга, но ясно было, что сделал это не Силас.

— Он проиграл мне коня на спор, он сам это хорошо знает, и ты знаешь! — надвинулся Силас на Эммануеля, так что тот в страхе попятился.

— Все знают, что конь мой.

Силас с угрозой глянул по сторонам.

— Если только еще кто-нибудь шевельнется, чтобы отнять у меня коня, будет лежать рядом вон с тем, — и он выразительно ткнул пальцем в сторону, где неподвижно лежал Бартолин. Крестьяне с опаской покосились на расплывшееся по щебню темное пятно возле его лица.

— А что вы станете делать, если он умер?

Мужики насупились. Эта мысль их не обрадовала. Возле Эммануеля стояла Анина и в изумлении смотрела на сына.

— Посадите его плыть в дырявую плоскодонку? — продолжал Силас, не дождавшись ответа.

Голос его звучал жестко, обличающе.

— Враки, — проворчал Эммануель.

— А после продадите всех лошадей из его конюшни этому поганому торговцу, который ни за что ни про что нахально хлещет кнутом проезжих?

Силас повернулся к торговцу, у которого на лице с нафабранными усами проступила бледность.

— Не ври, что мы тебя посадили плыть в лодке, — отпирался Эммануель.

— Как же тогда я оказался у берега, далеко отсюда, и кругом плескалась вода?

Анина в ужасе схватилась руками за голову.

— Ах ты, чертов щенок, да я тебя!

— Стой где стоишь, — отрезал Силас, когда Эммануель бросился было к нему, — а не то справедливость и в тебя швырнет какую-нибудь посудину, будь уверен. И на этот раз это верно будет что-нибудь потяжелее, чем фляга.

Это было сказано так внушительно и таинственно, что Эммануэль сразу представил себе черные чугунные горшки и прочие тяжелые предметы, летящие ему в голову, и остановился. Но тут на него набросилась с кулаками Анина. Она готова была убить человека, собиравшегося сгубить ее сына. Силас никогда не видел свою мать в таком исступлении. Теперь этот добрый человек получил по заслугам.

Силас торжествовал, но вдруг что-то заставило его насторожиться. Сквозь шум и крики своей матери он расслышал слабый царапающий стук черепиц и понял, что Хромой Годик покидает свой наблюдательный пост. Силас, обрадованный, что больше не надо ждать, не мешкая направил коня на растерявшихся крестьян, которые шарахнулись в стороны, уступая всаднику дорогу.

Силас уже пустил было коня рысью, чтобы с чистой совестью покинуть эту деревню навсегда, но вдруг за поворотом увидел, что возле последних домов улица загорожена. Пока народ шумел у дома Эммануэля, незаметно подъехала жена рыбака и поставила свою телегу с лошадьёю поперек улицы так, что всаднику было никак не проехать.

Маленькая коротконогая коняга рыбака, словно понимая, чего от нее хотят, вцепилась в косяк двери, а хозяйка встала позади телеги, чтобы не дать Силасу ускользнуть, и он оказался запертым в сравнительно небольшом пространстве между вонючей телегой рыбака и толпой деревенских жителей.

Вид у жены рыбака был далеко не приветливый. На облучке сидела Мария, съездившись и вцепившись в вожжи, как ей было велено. Впрочем, она могла бы этого не делать. Силас был уверен, что это совершенно напрасно. Он понял нрав этой клячи. Она ни за что не отпустит дверной косяк, куда не изгрызет его.

Старая карга была вне себя от радости. Теперь-то он попался, на этот раз ему не ускользнуть.

Увидев, что рукава ее платья были закатаны выше локтей, Силас поежился, и по спине у него побежали мурашки. «Нет, уж лучше пускай кляча укусит меня за ляжку», — подумал он, направляя вороного прямо на лошадь.

— Ну ты, дохлая кляча, — пробормотал он, подъехав.

Лошадь неумоимо грызла дерево желтыми, выдающимися вперед зубами, косясь на Силаса одним глазом. Видно, она решила изгрызть как можно больше дерева, пока здесь стоит, и земля вокруг уже была усыпана мелкими щепками.

Силас не знал точно, чей это дом, но искренне желал, чтобы это был дом Пепе.

Позади него стояли, выжидая, крестьяне. Ситуация пока еще была неясна, но новые события явно назревали.

— Почему вы его не хватаете? Какого черта вы ждете? — нетерпеливо заорала рыбацка.

Силас слышал, что они приближаются неуверенным шагом. Ни один из них не осмеливался подойти первым, они сгрудились в кучу и явно не торопились, а может быть выжидали, что найдется смельчак доброволец.

Силас ласково уговаривал рыбацкую коротконожку подвинуться немножко. Это была единственная возможность проскочить, но маленькая коняга продолжала свою работу по дереву, будто ничего не слышала.

— Кончай дурака валять! — решительно потребовал Силас.

Лошадь лишь глянула на него сквозь нависшую на глаза гриву.

— После опять будешь грызть, — пообещал он.

Лошадь приподняла губы, обнажив оскал зубов, словно улыбаясь, поглядела на него одним глазом сквозь упавшую на морду гриву и отгрызла еще одну длинную щепку от уже порядком обезображенного дверного косяка. Казалось, ей это было необходимо.

Силас невольно почувствовал определенную симпатию к этой скотине, хотя она делала его положение затруднительным и опасным. Но ведь он справлялся с настоящими, большими лошадьми, неужто не совладает с этой маленькой упряницей?

Он осторожно вытащил из-под рубашки флейту и направил ее на голову лошади. Сейчас он заставит ее услышать такое, чего она не слыхивала за всю свою жизнь. Да, но ведь и вороной...

Краем глаза он увидел, что при первых самых обыкновенных звуках флейты рыбачка начала трястись и плевать. Может, ей просто не нравилась такая музыка, но может, она считала, что он напугал своей игрой безглазую Марию, когда та доила козу. Видно она думала, что он будет играть так же, как тогда. Но крестьяне, стоявшие позади него, еще не были знакомы с его флейтой, они замерли, услышав странные звуки, и, слегка повернув назад голову, Силас увидел, что они застыли на месте.

Странные звуки потекли из-под его пальцев. Они предназначались для упрямой лошади, но кажется, больше действовали на вороного, которого он с усилием удерживал возле стены дома, чтобы проскочить вперед, как только лошадь рыбака подвинется или хотя бы отпустит косяк.

Женщина, стоявшая у телеги, крикнула мужчинам, чтобы они поторапливались. Но они не двигались с места, не понимая, в чем дело.

— Сама поторапливайся, — крикнули ей из толпы.

Силас заиграл еще громче, вороной затанцевал, рыбачка отпустила телегу и кинулась к толпе, чтобы объяснить хорошенько, что надо делать. И в тот же миг лошаденка перестала грызть косяк, но вовсе не для того, чтобы посторониться. Ей понадобилось разглядеть поближе, что такое Силас держит в руках. Мария почувствовала, что лошадь начала двигаться, в страхе дернула вожжи, но коняга и не подумала слушаться.

— Стой на месте, — скомандовала девочка тонюсеньким, еле слышным голосом.

Ее мать, размахивая руками, показывала на него мужикам, что-то неразборчиво и бестолково кричала, и Силас уже решил было, что пока она там, он проскочит. Но звуки флейты в самом деле произвели на лошадь неотразимое впечатление. Флейта ее явно заинтересовала, она вытянула шею, чтобы схватить предмет из рук Силаса. Когда же он легонько шлепнул ее по морде, она оскалила зубы. Флейта ей понадобилась во что бы то ни стало.

— Нет, ты ее не получишь, — сказал Силас и направил резкий, неприятный свист прямо ей в пасть. Это понравилось удивительной кляче еще больше, и единственный выход был протиснуться силой. Ведь конь, на котором он сидел, был намного больше и сильнее.

Только теперь неповоротливые мужики сообразили, что мальчишка вот-вот ускользнет, загалдели и всей толпой бросились к нему. Оставался последний шанс. Силас сильно сжал ногами бока вороного и, послав его вперед, одновременно извлек из флейты особый долгий звук. Вороной рванул с места и проскочил.

«Пешком они меня не догонят, — подумал Силас, — а когда кто-нибудь из них догадается оседлать коня, я буду уже далеко».

К своему удивлению, он увидел, что рыбацкая лошаденка развернулась вместе с телегой и скачет рядом с ним. Силас поддал пятками в бока своего иноходца, чтобы она отстала, но отделаться от этой скотины оказалось не так-то просто. Настырная лошаденка бодро бежала рядом с вороным, словно так и было задумано.

Силас пустил коня галопом, лошаденка тоже перешла на галоп, с грохотом волоча за собой телегу. Мария побледнела и, отпустив вожжи, вцепилась в телегу.

— Да придержи ты лошадь, растяпа, — сердито прокричал Силас, — не умеешь, что ли, править?

Ему казалось, что если он остановится, эта коротконожка поднимет передние ноги, как собака, и, дыша ему в лицо, попытается отнять флейту, которая была давно спрятана под рубаху. В какой-то сумасшедший миг ему даже захотелось сунуть флейту в пасть этой скотине, чтобы оторваться от нее. Он обернулся и бросил взгляд на дорогу. За ним бежала вся деревня, а во главе толпы трусила жена рыбака, хлопая неуклюжими деревянными башмаками.

А тут еще эта коняга увязалась. Силас пнул скачущую возле него лошаденку и стал ругать Марию, которая держалась обеими руками за телегу, вовсе не пытаясь остановить свою ошалевшую клячу. Телега гроыхала, подскакивая на ухабах, казалось, она вот-вот оторвется или развалится на ходу.

Силас поскакал медленнее.

— Возьми вожжи и останови лошадь, не хочу, чтобы ты тащилась за мной.

— Не могу, — захныкала девчонка.

— Вожжи возьми, держи вожжи, балда.

— Мне ее все равно не удержать.

— Тогда прыгай с телеги, — приказал он, — об остальном я позабочусь.

— Не буду... — хныкала она испуганно.

— Если телега перевернется вместе с тобой, ты сломаешь себе шею, — пригрозил Силас и оглянулся на преследователей. Они уже далеко отстали.

— Я поскачу быстро, а ты пеняй на себя.

— Боюсь, остановись сперва сам.

— Нюня!

— А ты злой, злющий и противный.

Тут кто-то дернул Силаса за штанину. Это был Хромой Годик. Силас не заметил, как он выскочил на дорогу из канавы чуть впереди них. Силас придержал вороного.

— Она что, поедет с тобой? — насмешливо спросил Годик. — Ты надумал ее украсть?

— На что она мне, — ответил, покраснев, Силас.

— Она поедет с тобой?
— Нет, не поедет, — рявкнул мрачно Силас, — просто я не могу заставить эту дурацкую конягу повернуть к дому.
— Сам ты дурак, — прошипела Мария.
Силас прибавил ходу, и Хромой Годик, подпрыгивая и ковыляя, потрусил за ним. Не говоря ни слова, он стал на ходу распрягать коротконогую клячу.
— Что ты делаешь? — спросил Силас.
— Распрягаю.
— Для чего?
— А зачем мне телега?
— Так ведь ты можешь просто подержать лошадь, пока я не уеду, — удивился Силас.
— Хорош товарищ! — воскликнул Годик.
Силас, недоумевая, поглядел на него.
— Значит, ты не хочешь, чтобы я ехал с тобой? — продолжал Годик, сбрасывая упряжь на землю.
— Не смей забирать нашу лошадь! — в ужасе закричала Мария.
— Почему это?
— Мать меня станет бить.
— Точно станет бить, — сказал Силас, — а после продаст.
Мария съежилась, словно ее ударили.
— Зачем ты это говоришь, — спросил Годик, — ты что, злишься на нее?
— Да она чуть мне голову не отрезала, — он показал на нож. — Если бы я случайно не проснулся, меня уже не было бы на свете.
— Ты не знаешь, каково ей живется, — тихо сказал Годик.
Силас промолчал.
— А если ее продадут, то уж не шпагоглотателю, а охотнику, — добавил он.
— Почему?
— Он заплатит дороже.
— Кто тебе говорил?
— Он сам.
— А деньги у него есть?
Хромой Годик похлопал лошадь.
— Только никто про это не знает. Фу, как у нее воняет из пасти, — воскликнул он, когда лошадь повернула голову, чтобы укусить его.
Силас засмеялся.
— Не смей брать лошадь, — просила Мария.
— Ничего, твоя мать купит новую, — утешил ее Годик и вскочил коняге на спину.
— А как же коровы? — вдруг спросил Силас, поняв, что Хромой Годик всерьез собирается покинуть деревню.
— Что мне теперь до них? — ответил он вопросом.
— А твоя мать, что с ней будет?
— Она обойдется без меня, — сказал Годик таинственно, — у нее поселится Арон.
— Арон?

— Охотник за нутриями. Он женится на ней.
— А что со мной будет? — спросила Мария.
— Можешь спать в моей постели, — ответил Годик, — у них хватит места для тебя.

И они поскакали.

С вершины холма они видели, как потащили назад телегу с Марией.

День клонился к вечеру.